

МАЙЯ НОВИК

КАРАТЕЛЬ

КНИГА ВТОРАЯ

Майя Новик

Каратель. Книга вторая

«Издательские решения»

Новик М.

Каратель. Книга вторая / М. Новик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934643-8

Перед вами вторая книга постапокалиптической трилогии «Кругом была тьма». Офицер Бюро национальной безопасности Евразийских Штатов Кирилл Одинцов с красавицей женой приезжает на элитный курорт в далеком Горном Алтае. Он хочет отдохнуть от службы и окунуться в местную экзотику. Кирилл еще не знает, что завтра наступит Конец Света, и ему придется выбирать между долгом и верой в то, что еще вчера он был готов выжигать калёным железом...

ISBN 978-5-44-934643-8

© Новик М.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава первая «Курорт»	6
Глава вторая	31
Глава третья Незнакомец	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Каратель

Книга вторая

Майя Новик

*«Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу,
то чем сделаешь ее соленою?»*

(Мф. 5:13)

*Автор просит прощения у бывалых туристов за то, что вольно
обошелся с географией Горного Алтая и Туркменистана.*

© Майя Новик, 2018

ISBN 978-5-4493-4643-8 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-4642-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая Тьма

Глава первая «Курорт»

Кругом была тьма. Тьма кромешная, непроглядная. Воздух был тягучим, наэлектризованным, дышать становилось все труднее. Узкий луч слабеющего фонаря, который был примотан к карабину поясом от куртки, освещал только небольшой пятачок земли прямо под ногами и больше ничего.

Все чаще наваливалось отчаяние – Кирилл не знал, где находится. Если судить по растительности, по которой ему приходилось шагать, он все-таки вышел в степи Кош-Агача. Где-то впереди должен был находиться поселок Теленгит-Сортогой. Вот уж название, так название! Что он найдет там? Пустующие юрты или айлы? Пару-тройку темных административных зданий? Одицавший табун лошадей? Если там есть дрова, тогда Кирилл сможет, наконец, развести огонь и согреться. Если он найдет заправку или мастерскую, тогда он запалит несколько старых шин или горючее. В поселке можно будет найти уцелевший магазин или лавку, – тогда он сможет приготовить себе горячую еду. Кирилл даже не мечтал о свежем хлебе – пусть будет хоть какая-нибудь еда! Он будет рад пакету старых макарон, любимым консервам, у которых еще не вышел срок годности, сухарям. Главное – выйти к поселку.

Кирилл никак не мог понять, что мешает ему лечь на землю прямо здесь, посреди степи и умереть. Жить, в принципе, было больше незачем. Все, что он мог потерять, он потерял. Что заставляло его идти все дальше и дальше? Что? Жажда жизни? Инстинкт, который заставляет двигаться даже ящерицу с перебитым хребтом и птицу с поломанными крыльями? Надежда на то, что все не напрасно?

Нет, сейчас он совершенно точно знал – все зря. Кирилл был один, в темноте, в далекой от городов азиатской степи, а в магазине карабина оставался только один патрон. Один патрон, один выстрел, и он безоружен перед всем этим страшным, темным, жестоким миром. Не логичнее было бы его потратить на себя? Чтобы не мучиться.

Кирилл, в который уже раз, замедлил шаги, размышляя, не сделать ли это прямо сейчас, и снова постарался выбросить это из головы: его успокаивала мысль, что он успеет сделать это позже.

«Проклятое существо человек, – усмехнулся Кирилл про себя, – всегда придумает отговорку».

И действительно ведь – проклятый и проклятый. До рождения – ничего, темнота. После смерти – ничего, темнота, и между двумя этими датами: сто – сто пятьдесят лет грешной жизни. Это теперь – сто пятьдесят. Недавно было и того меньше – всего лет шестьдесят, семьдесят. И все. Какую и памятник. Ужас, если подумать всерьез. Беда, что думать об этом не хотелось. Даже сейчас. Хотя жизнь порой была страшнее смерти.

Кирилл остановился и прислушался. Послышалось? Да, слышалось... Он сделал еще несколько шагов и снова остановился. Нет, не слышалось! Теперь Кирилл не просто слышал далекий грохот, похожий на шум прибоя, теперь он ощущал его ногами – земля дрожала. Что-то надвигалось с юга. Что-то большое, огромное!

Несмотря на то, что Кирилл смертельно устал, и казалось, его уже ничего не могло напугать, рокот, который накатывался из тьмы, заставил почувствовать животный страх. Сначала Кирилл просто убыстрил шаги, потом даже побежал, но вскоре заставил себя остановиться.

«Быть может, так будет лучше? – подумал он. – Чем эта опасность отличается от другой?»

Завтра он может стать добычей голодных зверей или послезавтра его пристрелит кто-нибудь из немногих уцелевших местных. Так почему бы ему не остановиться прямо сейчас и не встретить смерть лицом к лицу? Все равно бежать некуда. Кругом тьма, тьма и ничего кроме тьмы.

Кирилл повернулся лицом к неведомой опасности и стал ждать, хотя и инстинкт, и разум говорили ему: беги! Беги как можно быстрее!

Земля под ногами дрожала. Что надвигалось на него из темноты? Ураган? Смерч? Цунами? Откуда тут взяться цунами? До моря были тысячи километров, но Кирилл знал – в этом новом, незнакомом ему мире могло быть все, что угодно. Здесь океаны могли затопить всю сушу, здесь не было солнца и луны, здесь по темной алтайской степи бродили неведомые твари. Здесь встречный человек мог оказаться, кем угодно – убийцей, вором или людоедом. И неоткуда было ждать помощи.

Неведомое приближалось. Кирилл внутренне сжался в комок, но внешне постарался оставаться спокойным. Пусть провидение или боги, или кто там еще есть, видят – он до конца останется мужественным. Никто в его семье не был трусом. Не будет трусом и он, что бы не приготовила ему судьба.

Неожиданно черное небо пронзила молния. Она ударила в землю недалеко справа и ослепила человека. Кирилл на какое-то время ослеп, перед глазами встала белая пелена. Затем сверкнуло еще и еще раз. Молнии били в одно и то же место, справа. Оказалось, там был холм. При свете электрических разрядов Кирилл наконец смог разглядеть, что именно неслось на него по черной степи.

Яки! Огромное, чем-то напуганное стадо яков! Земля дрожала от бега тысяч крепких ног этих тяжелых животных. Кирилл успел разглядеть морды и рога ближайших яков. Кто спугнул их? Почему их было так много? Куда они бежали?

Оглянувшись, Кирилл в отблеске молнии увидел то, что могло его спасти – небольшую скалу в отдалении. Он уже не думал о смерти. Ноги несли его к спасению! Скала оказалась высокой, в несколько уступов, от подножия вверх уходила тропа. Наверное, ее натоптали козы, которые паслись тут, в степи, всего несколько недель назад.

Кирилл пробежал вверх по тропе метра два, не больше, увидел перед собой уступ. Закинул карабин за спину, подпрыгнул, ухватился за острый край, подтянулся, обрывая на куртке последние уцелевшие застёжки, перевалился через край, посветил вверх. Обнаружил следующий уступ, повыше, снова подпрыгнул, зацепился за выступ руками, залез.

Он оказался на каменной ступени шириной в два метра и длиной в три. Опять посветил фонарем вверх: стена была почти вертикальной, и подняться еще выше было нельзя. Да и не нужно.

Кирилл опустился на холодный камень, отдышался, услышал, как первые яки уже достигли подножья скалы, и направил луч фонаря вниз. Внизу, словно живые волны, вздымались и опадали тела рыжих, черных и белых животных. Мелькали острые рога. Вверх, достигнув уступа, поднялись клубы пыли. Скала дрожала, и на какое-то время Кириллу показалось, что она не выдержит такого напора. Животные натыкались на нее, с размаху бились грудью о камень, падали, поднимались и бежали дальше.

Но скала была большой и плотно вросла в землю, и вскоре Кирилл понял, что находится в безопасности.

Такие громадные валуны тут, на Алтае, встречались часто. Вросшие в землю огромные каменные глыбы, были как будто разбросаны по степи древними великанами. Скатились ли они много веков назад с гор или их выдавило из недр земли страшной силой природы, Кирилл не знал. Кажется, гид, смысленный смуглый мальчишка, рассказывал байку о происхождении этих скал. Наверняка какая-нибудь местная алтайская экзотика. Кирилл был уже сыт этой экзотикой по горло.

«Что ж, я получил то, что хотел! – горько усмехнулся он, слушая топот яков, несущихся в темноте. – Отпуск удался на славу! Главное, я вылечился от депрессии. Оказалось, это не сложно, нужно просто все потерять: от привычного мира до привычных иллюзий. Да, ребята, нечистую совесть надо лечить потерями! Правда теперь для меня настала другая пора – пора отчаяния, но может быть, я справлюсь и с этим?»

Стадо яков внизу поредело. Пробежало еще несколько опоздавших животных: морды в пене, в свете фонаря глаза казались обезумевшими от страха. Степь снова стала пустынной.

Кирилл слушал, как замирает вдаль, в темноте, топот копыт, но спускаться на землю не спешил. Он знал – яков что-то спугнуло. Если это вода, то, может быть, он уцелеет здесь, на скале. А если ураган, он все равно не успеет найти другое убежище.

Причина бегства яков не заставила себя ждать. Вскоре Кирилл услышал тоскливый вой, от которого заledenел затылок. Кирилл выключил фонарь и какое-то время сидел в темноте, прислушиваясь к тому, что происходило внизу. Но услышал он немного. Хищники ступали мягко и отлично видели впотьмах. Кирилл почти физически ощущал их присутствие, шестым чувством угадывал, как мимо скалы движется большая стая животных.

Он затаил дыхание. Вот недалеко внизу хрустнул щебень под лапой крупного зверя. А вот раздается сопение – это хищник втягивает носом воздух, принюхиваясь. Он чувствует яков? Или принюхивается в поисках другой добычи? Более слабой и более... близкой?

Кирилл подавил в себе желание включить фонарь, тихонько отполз от края, сел, упершись спиной в скалу, взял карабин наизготовку. О смерти он уже не думал.

Внизу тихо зашуршала осыпающаяся щебенка: кто-то осторожно поднимался по тропинке вверх.

Кирилл выжидал, стиснув зубы, хотя ожидание в темноте было невыносимым. Он слышал, как зверь легко заскочил на первый уступ, и включил фонарь в тот самый момент, когда хищник прыгнул на второй уступ и зацепился передними лапами за край скалы. Его голова оказалась напротив лица человека. Кирилл хорошо успел рассмотреть короткую морду, широкий чуткий нос, кожистые складки, защищающие горло, и костяные пластинки, веером ошетилившиеся вокруг головы. Ослепленный светом хищник зарычал, оскалив крупные сдвоенные клыки. Глаза блеснули в свете фонаря неоновозеленым.

Кирилл нажал на курок, грохнул выстрел, и животное тяжело рухнуло вниз, на истоптанную яками землю. Кирилл осветил туда и увидел, что зверь не шевелится. Он светанул фонарем вокруг, надеясь, что хищник был один, и понимая, что такое везение из разряда чудес. Тут могла быть большая стая!

К счастью, хищники уже убежали вперед, догоняя яков. Внизу под скалой метался только еще один зверь. Увидев свет фонаря, он оскалился, зашипел, пластинки вокруг шеи расправились, словно капюшон у кобры.

– Что же это за твари такие? – недоуменно прошептал Кирилл.

Этот мир пугал его с каждым днем все больше и больше. Теперь, когда последний патрон был истрачен, смерть стала ближе. Хотя, какая разница? Можно подумать, что стреляться

приятнее или эстетичнее, чем погибнуть от клыков хищника! Кирилл видел всякую смерть, и знал: она никогда не бывает красивой. Смерть всегда настолько протivoестественна, что даже у самых циничных людей вызывает приступ дрожи, а то и ужаса.

Он торопливо отсоединил от карабина фонарь. Положил рядом, так, чтобы было видно край уступа.

Хищник внизу не торопился. Он видел, что случилось с собратом. Неторопливо ходил внизу, словно раздумывая, не броситься ли вдогонку за остальными членами стаи, но эта новая добыча так соблазнительно пахла страхом и потом, что после короткого раздумья хищник в несколько прыжков забрался на первый уступ. Кирилл нащупал возле себя крупный камень, положил рядом, встал, взял карабин за ствол двумя руками, как дубину, приготовился.

Как только голова зверя появилась над краем уступа, Кирилл ударил его прикладом в морду. После первого же удара зверь пошатнулся, но все еще крепко держался лапами за край скалы. Тогда Кирилл ударил зверя по голове еще и еще раз. От последнего удара приклад карабина разлетелся вдребезги.

Хищник всхрапнул, его мощные, когтистые лапы вдруг ослабли, какие-то мгновения он еще цеплялся за скалу, а потом свалился вниз на острый камень, торчащий на первом уступе. Кирилл мог поклясться, что услышал хруст сломанного позвоночника. Он быстро схватил камень, спрыгнул следом. Его глаза уже настолько привыкли к темноте, что света фонаря хватало, и он мог ориентироваться внизу. Кирилл рисковал, но риск был оправдан – животное надо было добить.

Зверь зашипел, увидев человека рядом, и постарался приподняться. Но Кирилл еще несколько раз ударил хищника по голове камнем, убедился, что животное испустило дух, и быстро, спотыкаясь и оскальзываясь, забрался обратно на скалу. Схватил фонарь, осветил вокруг, снова ожидая нападения. Но вокруг было тихо.

После небольшой победы появилось желание пожить еще немного. Кирилл усмехнулся. Как мало надо человеку, чтобы отчаяние отступило – убить двух врагов!

Кирилл чувствовал себя смертельно уставшим. Он забился в щель между скалой и огромным камнем, выключил фонарь, натянул на уши вязаную шапочку, поднял воротник, съел, стараясь сохранить тепло, и постарался заснуть. Он тревожно прислушивался ко всем шорохам, которые доносились из темноты, стараясь понять, не лезет ли на скалу кто-нибудь еще, но вокруг было тихо, только в отдалении раздавалось поскуливание – наверное, там находились какие-то животные со своими детенышами, да внизу, под скалой, шуршал на ветру чудом уцелевший под копытами яков сухой ковыль.

Через какое-то время Кирилл задремал.

Ему снился все тот же сон: неказистая деревенька, улица, залитая ярким солнцем, сосны, стоящие вокруг в жарком мареве полдня, и он снова нажимал на спуск автомата «Норд». Очередь, разрывающая горячую тишину летнего дня была, как всегда, короткой...

Он проснулся таким же уставшим, каким и заснул. Все тело затекло. Надо было идти дальше. Кирилл осторожно размял онемевшие руки и ноги, включил фонарь и осветил вниз.

Убитого камнем хищника уже кто-то ел. В луче света мелькнуло какое-то небольшое длинное животное, отдаленно похожее на крупную лису. Оно трусливо метнулось в сторону, скрываясь от света.

Кирилл вздохнул. В тайге он мог бы зажарить себе кусок мяса и тоже поесть. Но здесь выбор был невелик: или ты ешь сырое мясо или терпишь муки голода. Кирилл осторожно, все время прислушиваясь, спустился вниз, подошел к мертвому зверю, ткнул в него носком

ботинка, брезгливо поморщился. Нет, сырым он это есть не будет... На этой зверюге даже нормальной шерсти не было. Так, торчали какие-то кустики вроде перьев, да еще вызывали отвращение эти костяные пластинки на шее. Откуда появилось здесь это животное? Оно точно не с Алтая, и даже не с мифической Шамбалы, скорее всего, это просто мутант. Возможно, они мигрируют сюда с юга-запада, где все заражено радиацией. Жаль, нет дозиметра, его бы наверняка зашкалило.

Кирилл выпрямился, вздохнул с сожалением, достал мятую пластиковую бутылку с остатками воды, отвинтил крышку, сделал несколько глотков совершенно ледяной безвкусной жидкости. А еще говорили, что на Алтае самая вкусная вода...

Он спрыгнул вниз, на истоптанную яками землю, еще раз посветил по сторонам. Здесь, под скалой, должно было лежать тело второго хищника, но его не было. Очнуться после выстрела в голову зверь не мог, значит, его утащило какое-то еще более крупное животное.

Надо отсюда убираться!

Кирилл вытащил из кармана маленький, чудом уцелевший после всех злоключений компас, посветил на него, сориентировался по стрелке и пошел на север. Ему казалось, что там могут быть уцелевшие города и поселки. Там могли быть люди!

Он шел и вспоминал. Это путешествие было порождено отчаянием. Все-таки после катастрофы надо было оставаться на месте! На турбазе «Приют странника» они с Эвелиной, по крайней мере, находились в безопасности. Найденные в доме егеря боеприпасы давали возможность продержаться сколько угодно долго, а стены дома, сложенные из толстых, в обхват бревен, могли выдержать напор любого хищника. Ну, это тогда казалось, что любого.

Как они очутились на Телецком озере? Очень просто: приехали в отпуск. А куда еще можно поехать на довольно скромную зарплату младшего офицера Бюро национальной безопасности? В Финляндию? Дорого. К Черному морю? Опять-таки дорого да к тому же еще и небезопасно. Ездить отдыхать в Европу больше не представлялось возможным, разве что только совершить «круиз» на военном корабле по затопленным местам, которые когда-то были Европой... И тут им попались горящие путевки на турбазы религиозного общества «New Earth» – «Новая Земля». В меру экзотично и по карману.

После большого землетрясения, которое произошло на Алтае в 2032 году, на юге Телецкого озера забили минеральные источники, и никому неизвестный до этого времени поселок Балыкча стал курортом. Тишина, горный воздух, минеральная вода – что еще нужно для полноценного отдыха? Не на фронт же ехать отдыхать, в самом деле? Тогда эта мысль пришла ему в голову, как нелепость, в ответ на какие-то слова Эвелины, а теперь это уже не казалось нелепицей. На фронте было бы проще выжить – много оружия. Что было бы тогда с Эвелиной? Возможно, она осталась бы дома в Москве... Что там сейчас? Возможно ли, что здесь, на Алтае, наступила вселенская тьма, а в Москве все осталось по-прежнему? Тогда почему они так и не дождались ни спасателей, ни армии, ни, в конце концов, обычной полиции? Ведь Телецкое – известный курорт. Невозможно, чтобы на протяжении месяца никто не заинтересовался, почему нет вестей с южного берега озера, и почему за это время ни один человек не вернулся с Балыкчи в городскую Эйкумену. Неужели никто не задался вопросом, почему с Балыкчей нельзя связаться по айкеду или через обычный лаймер? Или Москва каким-то немислимим образом тоже стала тюрьмой, адом, где в темноте, в поисках еды и воды мечутся миллионы людей? Или на месте столицы теперь громадный выжженный пустырь? Быть может, катастрофа носит техногенный характер? Война? Ядерный удар? И теперь на севере только радиоактивная пустыня, такая же, как на юге?

Кирилл заскрипел зубами. Хуже всего – неизвестность. Истину сейчас могли знать только бессмертные Патриархи. Жаль, что он уже почти перестал верить в их существование!

Нет, сначала ему и Эвелине здесь очень понравилось. И не просто понравилось, они были в восторге!

Природа вокруг турбазы была настолько великолепной, что мозг отказывался воспринимать то, что видели глаза, привыкшие к скромным красотам среднерусской равнины. Чего стоило само озеро Телецкое, с его прозрачной синей водой, с темной зеленью сопков, с прозрачными водопадами и бурными горными реками, с необыкновенным ультрамариновым небом над отвесными белыми скалами, и с тем чудесным ощущением высоты и простора, от которого кружилась голова, и которое было невозможно испытать в душных, тесных, суетливых городах.

Над сопками бесшумно плыли невесомые, кокетливо растрепанные облака, зеленоватая вода реки Чулышман устремлялась на север, к озеру, по берегам паслись табуны невысоких алтайских лошадей, а вверху, над ущельем, темной таинственной стеной стояла молчаливая тайга. Недаром здесь сделали заповедник, доступ в который был строго ограничен.

Их поселили в небольшом сказочном домике, построенном среди вековых корабельных сосен. Домик был со всеми удобствами – душ, туалет, огромный экран лаймера во всю стену, бар. Единственный недостаток – отсутствие круглосуточной связи с остальным миром по айкеду – персональному компьютеру, вживленному под кожу головы каждого человека. С помощью айкеда можно было управлять всем, чем угодно – от современного автомобиля до лаймера. Турбаза не была оснащена системой подключения к общей сети.

Первое время без подключенного к инету айкеда Кирилл чувствовал себя, как без рук. Было непривычно самому включать и выключать свет или кофеварку. Вечером приходилось вспоминать, что оказывается, никто не вел видеорегистрацию того, что происходило за день, и невозможно было вспомнить все мелочи или еще раз посмотреть на красоты какого-нибудь водопада. То, что видел, самое значительное, приходилось фотографировать или снимать на видео самому. Но с другой стороны, сколько можно жить в общей сети? Надо же когда-нибудь и отдохнуть!

Соседями по домику оказалась приятная уже совсем пожилая пара. Елена Анатольевна ходила в светлом брючном костюме, в прелестной широкополой шляпке, повязанной шелковым шарфом, все время собирала какие-то травы и заваривала их в маленьком серебряном чайнике, Виктор Николаевич был совершенно седым представительным джентльменом с профессорской бородкой.

Его супруга то и дело вспоминала о том, как они когда-то давно, кажется, чуть ли не сорок лет тому назад ездили в путешествие всей семьей на каком-то смешном и ненадежном мотоллере с кузовом, а потом и на машине «Волге» – подумать только! – российского производства. Антиквариат, да и только!

– Да, – улыбался Виктор Николаевич, – если бы оставить эту машину в гараже да законсервировать ее на столько лет, это был бы целый капитал! Раритет!

– А помнишь, ты все собирался съездить на ней на Байкал? – спрашивала мужа Елена Владимировна, быстро и умело накрывая столик для чаепития в общей гостиной. – Увы, мы так и не собрались, – говорила она, обращаясь к Эвелине, которая ее внимательно слушала. – Я водить не умела, путь был неблизкий, а ночевать в пути мы не решались. В самом начале двадцать первого века на дорогах было неспокойно... Ну а потом началась война, а после войны мы решили вообще в ту сторону не ездить. Граница близко, отношения с Китаем напряженные. А тут, на Алтае, и до дома недалеко, и места уже знакомые. Да и Монголия хоть и находится

под китайским протекторатом, а все-таки – не Китай! Ох, сколько воспоминаний у нас связано с этим озером! – она лукаво косилась на мужа.

Тот умиротворенно вздыхал, вспоминая о былом.

Единственная неприятность – Виктор Николаевич курил. Поздним вечером он выходил на крыльцо, убеждался, что никто не видит, и закуривал контрабандную сигарету черного цвета. Запах табака проникал в номер через открытое окно, и Кирилл не раз и не два порывался сходить и рассказать об этом администратору, и тогда пожилую пару точно выселили бы не только из номера, но и с турбазы, – в «New Earth» с курением было строго, но его удерживала Эвелина.

Во-первых, соседи ей чем-то нравились, а во-вторых, она считала запах табака не таким уж и противным, скорее, наоборот, он ей нравился. Нет, странные все-таки существа эти женщины. Иногда им нравится то, что должно у всех вызывать отвращение!

Под уговорами Эвелины Кирилл сдавался и никуда не шел. В конце концов, Виктор Николаевич курил только один раз в день и только поздним вечером. Если бы пожилой джентльмен знал, что сосед по домику – офицер БНБ, он бы, наверное, съел свои вонючие сигареты, лишь бы о них никто не пронюхал, но он даже и не задумывался о том, кем может быть в далекой столичной жизни бравый сосед с военной выправкой. Более того, однажды во время купания, Виктор Николаевич позволил себе весьма некорректное высказывание по поводу местных жителей. Эвелина тогда спросила Виктора Николаевича про камлание местных шаманов: знает ли он, как это происходит?

– Да все просто, – легкомысленно ответил Виктор Николаевич, – нажрут мухоморов, забалдеют, да и вытворят, что хотят, вот вам и все камлание! Бывал я в ихних монастырях, видел, как они это вытворяют... – и Виктор Николаевич нырнул в голубую воду бассейна.

Вода в озере была слишком холодной для купания, и все купались в бассейне.

Тогда, оглянувшись вокруг, Кирилл с облегчением понял, что слов Виктора Николаевича кроме него и Эвелины никто не слышал, и решил, что обязательно наведет справки об этом странном джентльмене в Москве.

Откровенность Виктора Николаевича и его курение могли означать две вещи – либо он невоздержанный на язык конви, непонятно каким образом доживший до почтенных лет и маскирующийся под благопристойного гражданина, либо он сам по своему положению кого угодно в бараний рог согнет и поэтому может не особо волноваться по поводу каждого сказанного слова.

Спросите, кто такие конви? Ну, о конви в БНБ знают все. Это идеологические диверсанты, сектанты и террористы, которые ненавидели существующий строй и не желали работать так, как все. Но тут они прогадали – ускользнуть от работы еще никому не удавалось! Как правило, если выяснялась принадлежность человека к этой секте, суд приговаривал его к пожизненному принудительному труду – на благо общества. А вы как хотели? Каждый должен вносить свою лепту в финансовое благополучие Евразийского Союза. Наипервейший Патриарх так и сказал: каждый обязан возделывать мотыгой свою деляну, и тогда общество будет процветать. А конви либо прячутся по лесам, не желая работать, либо ведут подрывную деятельность. Это не дело!

Но тогда обо всем этом особо не думалось – свежий воздух, конные прогулки, теннис по утрам и танцы по вечерам отнимали почти все свободное время и почти все силы. Кое-что, впрочем, оставалось и на ночь, а Эвелина все-таки была крикуньей, поэтому Кирилл решил, что они немножечко квиты с соседями.

После того, как наступила Тьма, и они поняли, что во Тьме бродят звери, они перебрались в опустевший двухэтажный дом на краю турбазы, совсем рядом с озером. Дом был оригинальным, его словно сложил громадный людоед-великан. Толстые бревна неровно выступали на углах, перед крыльцом был сложен огромный очаг, возле которого могли собраться сразу все обитатели дома. Но тогда им было не до этого. Главным стали толщина стен и то, что окна были небольшими, с толстыми, плотными ставнями.

А Тьма пришла очень просто, даже буднично. Накануне жарило солнце, и они с Эвелиной почти не вылезали из бассейна. Горы в жарком мареве стояли вокруг, воздух был тих и тягуч. Так бывает перед грозой, и отдыхающие ждали грозу к ночи, но вечером собирающиеся над озером черные тучи вдруг рассеялись, жара не спадала, и даже сумерки не принесли долгожданной прохлады. Это было странным, потому что обычно после заката резко холодало. Отдыхающие разбрелись по номерам спасаться от жары с помощью кондиционеров. Кирилл вместе с Эвелиной сидели у окна в маленьком кафе, которое находилось рядом с их домиком.

– Смотри! – сказала Эвелина, поставив на стол бокал охлажденного вина и указав на что-то за окном.

Кирилл оглянулся и увидел громадную кроваво-красную луну, которая прямо на глазах поднималась из-за темнеющей сопки. Острые пики деревьев выделялись на ее фоне черными силуэтами.

У Кирилла странно сжалось сердце.

– Даже страшно! – Эвелина кокетливо улыбнулась, глядя ему в глаза. За последние дни она, и без того смуглая, дочерна загорела. Глаза под смоляной челкой смеялись, белоснежные зубы сверкали, и вся она в этот момент была так свежа и хороша, что у него перехватило дыхание.

«И это моя жена?»

«Да!» – говорили эти веселые глаза. – «Да!»

Она наклонилась вперед, и Кирилл поцеловал ее, все еще глядя на залитую кровью луну.

За окном громко трещали цикады, перекрывая нежную музыку, тихо льющуюся из колонок старого музыкального центра, стоявшего на стойке бара, в распахнутое окно вливался душный воздух, наполненный ароматами августовской тайги. Пахло хвоей, смолой и близким озером.

– Пойдем, – шепнула ему Эвелина.

Они расплатились у древнего кассового аппарата с помощью старого каунтера, который был у Эвелины, и вернулись к себе.

Эта ночь была самой жаркой. Во всех смыслах.

Утром Кирилл проснулся, чуть позже, чем обычно – в семь. Эвелина спала. Он почистил зубы в ванной, натянул на себя спортивный костюм, вышел на поляну перед домиком, прихватив с собою коврик для упражнений.

Солнце еще не появилось из-за сопки, но редкие облака над горами розовели, обещая еще один жаркий день. Что ж, лучше жара, чем дожди и холод. Здесь, на Алтае лето проходит быстрее, чем в Подмоскowie.

«Сегодня обязательно поедем на водопад, – решил Кирилл, – мы еще не видели Чульчинский. Говорят, потрясающее зрелище!»

После серии упражнений новой гимнастики ун-сю, которая позволила телу взбодриться, а разуму – проснуться, Кирилл постелил коврик на землю, покрытую толстым слоем желтой

сухой хвои, сел в позу лотоса и погрузился в медитацию. Больше Кирилл ничего не помнил. Ну или почти ничего. Кажется, земля под ним задрожала. Кирилл очнулся от раздумий, медленно повернул голову и из-под ресниц, еще не окончательно придя в себя, посмотрел вниз, на озеро. Вода в озере бурлила. А с северо-запада на землю обрушивалась Тьма. Кирилл успел этому удивиться и тут же потерял сознание.

...Очнулся он в номере на кровати. Совсем рядом в темноте Эвелина тихо переговаривалась с Виктором Николаевичем.

– Что это? Святые Патриархи! Что это такое?

– Не знаю, – ответил Виктор Николаевич, – затмение? Новое оружие Северо-Американского Союза? Да кто ж его знает, что это! И главное, никого больше нет на всей турбазе! Может, всех эвакуировали? Но все автомобили остались на стоянке, а людей нет, я везде посмотрел. Да и со стороны поселка – темнота, ни одного огонька. Даже если выключили электричество, местные все равно должны были зажечь хотя бы керосиновые лампы! Или свечи! Но нет – ничего. Темнота. Странно все это, я вам точно говорю, – странно! И с другой стороны темнота – а ведь тут рядом еще одна турбаза.

– Надо сходить в поселок, – сказал Кирилл с кровати охрипшим от долгого молчания голосом.

Эвелина бросилась к нему. Прижалась.

– Кирилл!..

Кирилл ощутил на своем лице ее губы, мокрую от слез щеку. Мягко отстранил. Чувствовал он себя как-то странно, необычно, болела голова, ощущение – словно перебрал стимуляторов, как иногда бывало на сложных и длительных заданиях. Состояние легкого возбуждения, и такой же легкой усталости.

– Хочу знать две вещи, – громко спросил Кирилл в темноту, – долго ли я был в отключке, и что вы мне вкололи?

Рядом щелкнуло, и комната озарилась мертвенным светом стационарного фонаря для кемпингов. Кирилл увидел, что в комнате их четверо – в углу темным комочком вжималась в кресло Елена Анатольевна. Виктор Николаевич, по-видимому, только что поменял в фонаре батарейки.

– Ничего вам не кололи, молодой человек! – воскликнул Виктор Николаевич. – Воображение у вас... Тут все себя неважно чувствуют. Все после обморока. Хорошо, что мы вообще живы остались.

– А что произошло?

– Мы не знаем, – ответила Эвелина. – Никто ничего не помнит. Все потеряли сознание. Я едва успела с кровати встать, как – р-раз! Темнота и ничего не помню! Первым очнулся Виктор Николаевич, потом я в себя пришла, потом мы тебя нашли и принесли в дом, ну тут и Елена Анатольевна очнулась. Вот и все. А как долго все это продолжалось, никто не знает – все электронные часы из строя вышли, а механические – стоят, – Эвелина осеклась, посмотрела в угол, где сидела Елена Анатольевна.

Оттуда доносились всхлипы. Эвелина встала с края кровати, подошла к Елене Анатольевне, наклонилась к ней.

– А давайте, Елена Анатольевна, сварим для мужчин кофе! – нарочито бодро сказала она. – Я думаю, им силы сейчас понадобятся! Можно и яичницу поджарить! У меня как раз есть яичница быстрого приготовления в пакетиках, а у вас, я знаю, есть газовая печка! Давайте приготовим завтрак или обед, или как его там? Все уже проголодались, – и она увлекла безвольную Елену Анатольевну с кресла к дверям.

«Молодец, девочка! Недаром жена офицера!» – оценил поведение Эвелины Кирилл.

Он сел на кровати, подождал, когда перестанет кружиться голова. Видать, здорово его приложило.

– Ну, докладывайте, – скомандовал он Виктору Николаевичу.

Тот метнул на Кирилла несколько удивленный взгляд.

– Да нечего докладывать. Везде темнота, нигде никого нет. Людских тел тоже нет, разрушений, насколько я мог видеть и оценить – тоже. Можно сделать вылазку в поселок прямо сейчас, но наверное, лучше подождать рассвета. Должен же там хоть кто-то остаться!

– Надо вскрыть административные помещения на турбазе. У администратора должен быть запасной генератор на случай ЧП и лаймер для связи с Барнаулом или с Новосибирском, – сказал Кирилл.

– Да нечего вскрывать, открыто там все. Трансформатор вообще сгорел. Я пробовал запустить генератор, но он тоже не работает. И лаймер не пашет, – Виктор Николаевич махнул рукой – там даже корпус оплавил. Не знаю уж, чем нас всех вырубил, но штука, видать, сильная. Наверное, нам придется идти в поселок.

Кирилл с минуту размышлял.

– В поселок так в поселок, – сказал он, – но сначала мы навестим егеря.

Виктор Николаевич мельком взглянул на Кирилла, кивнул, видимо, все понял.

Ели быстро, не поднимая глаз от тарелок и почти не разговаривая. Заплаканная Елена Анатольевна, подперев кулачком щеку, смотрела на мужа.

Доев, мужчины отставили тарелки, переглянулись, разошлись по комнатам, чтобы одеться. Встретились в прихожей. Каждый держал в руке по фонарю. Виктор Николаевич вооружился тяжелой металлической стойкой от прикроватного светильника. Он увидел пистолет Кирилла – двенадцатизарядный «Рюгер» и присвистнул.

– А вот это меня радует!.. – сказал он. – Так вы все-таки военный или полицейский?

– Военный, – солгал Кирилл.

– Пистолет служебный?

– Свой.

– А еще одного у вас с собой нет?

– Нет. Еще одного нет, – ответил Кирилл, – мы отдыхать ехали, не на фронт. Ну, вперед!

Он распахнул дверь, и они шагнули в темноту.

Улица встретила их неожиданным холодом. Из рта шел пар.

– Ого!.. А похолодало!

– Да, а ведь вчера была жара. Впрочем, горы, что вы хотите, – Виктор Николаевич посветил фонарем вокруг, нашаривая в темноте тропинку.

– Сюда!

Они быстрым шагом двинулись в направлении административного корпуса, освещая фонарями пространство вокруг. Почти везде на территории турбазы стояли высокие корабельные сосны, подлеска почти не было. Еще недавно, при свете солнца, этот лес казался прозрачным, светлым, напоенным теплым, медовым воздухом. Сейчас стволы сосен напоминали черные колонны в бесконечном темном зале. Проходя мимо места отдыха, где курортники обычно жарили шашлыки, Кирилл заметил торчащий в колоде топор, выдернул его, передал Виктору Николаевичу.

– Это получше будет, чем стойка. Осторожно, он может быть острым.

Виктор Николаевич беспрекословно принял топор, выбросил бесполезную железяку.

Какое-то время шли молча. Потом Виктор Николаевич заговорил.

– А я вот, в общем-то, не понимаю, против кого мы вооружаемся? Ну то есть я осознаю, что ситуация сама по себе странная, но может быть, все не так уж плохо? Скоро рассветет, тогда, может быть, все прояснится?

– Знаете, как говорил наш комбат, лучше перебдеть, чем недобдеть, – тут Кирилл не лгал. Комбат и в самом деле был, только давно, еще в армии. С тех прошло уже семь лет.

Через минуту они вышли к темному, молчаливому административному корпусу, осторожно обошли его справа и подошли к домику егеря. Кирилл взялся за ручку двери, подергал – заперто. Дверь была хоть и деревянная, но толстая, рассчитанная на сильные морозы. Быстро такую не взломаешь.

– Может, топором? – спросил Виктор Николаевич.

Но Кирилл только отрицательно покачал головой, как будто в темноте Виктор Николаевич мог это видеть, и обогнул угол домика. Его надежды оправдались. Окно в домике находилось довольно низко.

Виктор Николаевич обухом топора разбил стекло, очистил проем от осколков, и Кирилл, сунув пистолет в кобуру, осторожно залез внутрь. Посветил по сторонам, присвистнул.

Или оружие было единственной страстью егеря, или он и наверняка кое-кто из руководства «New Earth» были заядлыми браконьерами – в нарушение всех правил хранения огнестрельного оружия стены комнаты были увешаны охотничьими ружьями.

Кирилл пощелкал выключателем. Бесполезно. Потом выбрал лучшее из того, что было – два новеньких мощных двадцатизарядных карабина «Бабр», калибра триста восемь «Винчестер». Один карабин – себе, второй – Эвелине.

Потом принялся искать патроны. Это оказалось сложнее, пришлось обшарить стол, шкаф и комод. В шкафу нашел два тактических фонаря, аккумуляторы к ним, запасные магазины.

Да, по-видимому, егерь был непростым человеком! Сейчас его можно было только поблагодарить за это! Патроны оказались в нижнем ящике комода. Кирилл, не торопясь, набил ими два магазина, примкнул к карабинам, присоединил тактические фонари, привел оружие в боевую готовность, потом набил и рассовал по карманам запасные обоймы, подошел к окну, где терпеливо ждал его Виктор Николаевич.

– Принимайте! Да осторожно, они заряжены! Отличное оружие! Раньше такие винтовки производили в Североамериканских Штатах. Потом выкупили наши и стали делать по лицензии, называли «Бабр» – жил в таежных лесах когда-то такой зверь, размером с тигра, да казаки-первопроходцы его повыбили быстро. А теперь, сами понимаете, какая лицензия – война. Но качество оружия до сих пор вполне приемлемое.

– А зачем два карабина? – с испугом спросил Виктор Николаевич, выслушав эту небольшую лекцию. – Мне не нужно!

– Одно мне, другое Эвелине, не волнуйтесь, она знает, как с ним обращаться, бывалая девушка, – ответил Кирилл, вылезая обратно в проем окна. Дверь оказалась запертой на ключ, и возиться с ней у Кирилла желания не было.

На улице Кирилл первым делом посветил вокруг, убедился, что все спокойно. Потом забрал у Виктора Николаевича оружие.

– Подождите здесь, я отнесу один женщинам. Или пойдемте вдвоем, если... – Кирилл хотел сказать «бойтесь» но передумал. Незачем обижать старого джентльмена, он еще может пригодиться, – если вам не по себе. Я там еще не все выгреб, потом вернемся за остальным.

– Вы что правда думаете, что нам все это понадобится?

– Я думаю, оружие не должно лежать без присмотра, вот что. Идете?

– Иду!

Когда они сложили свои трофеи посередине гостиной, в комнате застыла тревожная тишина.

– Зачем это? – почти прошептала Елена Анатольевна.

Эвелина молчала. Кажется, она осознала, что их положение вызывает у мужа весьма серьезные опасения. Кирилл протянул Эвелине один из карабинов. Она беспрекословно приняла оружие, все поняв без слов.

– Если что, сначала стреляй, а потом спрашивай. Из истории можно выпутаться, а вот с того света не вернешься. Только нас не подстрели, мы заранее крикнем, что это мы. Поняла?

Эвелина смотрела на него в упор, и во взгляде не было страха.

– Поняла.

– Закрой дверь и посмотри, чем можно задвинуть окна. Я не шучу. Мы – в поселок.

– Что, все так плохо? – тихо спросила Эвелина.

– Понятия не имею, – ответил Кирилл и отвел взгляд в сторону. Ему почему-то стало казаться, что рассвета не будет. Предчувствие.

– Все, мы пошли.

Через десять минут они шагали по дороге, ведущей в поселок. Вокруг стояла такая тишина, какой не бывает даже ночью. Не было слышно пения цикад или криков ночных птиц. Не шумели не ветру листья деревьев. И даже бегущий в темноте справа Чулышман притих, словно испуганный навалившейся на долину темнотой.

– Как вы считаете, что произошло? – наконец нарушил молчание Виктор Николаевич.

– Не знаю, – честно ответил Кирилл.

– Вот рассветет, и мы все увидим сами, – сказал Виктор Николаевич, желая подбодрить, в первую очередь, самого себя.

– Не рассветет, – уверенно сказал Кирилл.

Виктор Николаевич споткнулся, хотя дорога была ровная.

– Почему вы так решили? – спросил он немного погодя.

– Вы где были перед тем, как потерять сознание?

– В спальне.

– А я – у озера. И я видел, как наступала Тьма. И вода в озере перед этим словно закипела. И еще я явственно ощутил толчки. Было землетрясение. Так что вряд ли в мире все осталось по-прежнему. Что-то произошло. И я хотел бы знать – что? Пока ответить на мои вопросы некому. Возможно, на нас испытали какой-то новый вид оружия. Быть может, это мощное высокочастотное излучение, поток каких-нибудь частиц, излучение электромагнитных волн, не знаю, что еще там может быть. Нейтрино? Провал в пространстве? Я не ученый. И еще я думаю, что помощь к нам быстро не придет.

– Почему?

– Потому что юг Телецкого озера находится далеко от крупных городов. Никто не будет наносить удар туда, где почти никого нет. Это значит, что по Барнаулу и по Новосибирску был нанесен удар такой мощности, что и нас накрыло. Но я все-таки надеюсь, что западнее сохранились города...

– Тогда можно предположить, что это наоборот наши ударили по Китаю. Почему нет?

Кириллу оставалось только хмыкнуть.

– Ну тогда, по крайней мере, нас кто-нибудь хватится...

Они шли по укатанной гравийной дороге, слева вверх поднимался довольно крутой склон горы, поросшей редким лесом. Кирилл помнил это по прежним посещениям поселка. Ава-

рийные фонари, которые им удалось найти в номерах, были мощными, но даже они не могли разогнать плотную, густую Тьму, окружавшую их.

Постепенно мужчины перешли на негромкий шепот. Кирилла не оставляло ощущение, что за ними кто-то следит, но это могли быть просто нервы, такое с ним уже бывало.

Приближался поселок. Это ощущалось и по изменению звука шагов и по рельефу – дорога здесь была более каменистой и шла в гору.

Виктор Николаевич неожиданно остановился, осветил фонарем в сторону леса.

– Вы слышали? – спросил он.

Кирилл тоже остановился, прислушался. Со стороны склона и в самом деле раздавался странный шум. Как будто кто-то рыл землю. Если присмотреться, то можно было явственно увидеть, что по слону, то тут, то там мелькали неяркие голубоватые огоньки. Они вспыхивали и тут же гасли.

– Надо пойти посмотреть, – уверенно сказал Кирилл.

– А может, не надо? – растерялся Виктор Николаевич. – Мы же в поселок шли.

– Ну как не надо – надо! Мало ли что там происходит, вдруг что-то серьезное, а мы даже знать не будем. А мы ведь не одни. У нас вон у каждого по грузилу.

– По какому грузилу? – не понял Виктор Николаевич.

– Да по бабе! – не выдержал, переходя на яростный шепот Кирилл. – По жене то есть! Стойте здесь, я сейчас, – он поставил фонарь на землю, включил тактический фонарь, и вскинув карабин, сошел с дороги. Под ногами сразу захрустели камни и лишайник.

Через двадцать метров путь Кириллу преградил старенький низкий забор деревенского кладбища. Не забор – недоразумение. Скорее всего, он был поставлен, чтобы скот не забредал на погост. Кирилл перешагнул через жерди. Свет фонаря упал на старую надгробную плиту, уже вросшую в землю. Дальше виднелась пирамидка, когда-то выкрашенная в зеленый цвет. Керамический овал с фотографией был сбит и лежал в траве.

Впереди послышался шорох, и Кирилл осветил туда, но не увидел ничего, кроме молчаливых памятников и камней. На всякий случай он спустил флажок предохранителя и передернул затвор. Еще раз осветил кругом. Одни памятники были сколочены из обычной дешевой фанеры, другие сделаны из грубо отесанного камня. Кладбище было очень старым. Кирилл, перешагивая через могилы и оградки, еще немного прошел вперед.

Нервы были напряжены до предела. Теперь он ясно слышал, что шорохи и возня раздавались сразу со всех сторон. Словно сотни крыс рыли свои маленькие черные ходы под землей! Ни в каких оживших мертвецов Кирилл не верил, поэтому он ожидал всего чего угодно: нападения зверей, атаки вражеских солдат, бандитского налета, но только не того, что случилось в следующий момент!

Земля под его ногами зашевелилась, и Кирилл отскочил назад, опустив ствол карабина вниз. Он уже готов был нажать на спуск, но тут его ослепила вспышка. Ничего не видя, кроме светящейся пелены перед глазами, он отступил в сторону, ударился об острый штырь ближайшей оградки коленом, взвыл, от боли.

Проморгавшись, он обнаружил перед собой то, чего ожидал увидеть меньше всего на свете. Перед ним стоял обычный человек. Его волосы, лицо и одежда были испачканы землей, а возле ног зияла яма, такой величины и вида, словно неведомая сила оттуда, из могильной тьмы и тлена извлекла человека сюда, в этот мир. Человек был алтайцем, и был одет в темный поношенный костюм и белую нейлоновую рубашку с галстуком. Волосы были темными.

В первое мгновение лицо алтайца не выражало никаких эмоций, а в темных глазах не читалось ни единой мысли. Кирилл машинально отвел фонарь в сторону, не желая слепить мужчину. Он уже видел, что оружия при нем не было.

И тут алтаец словно прозрел! Глаза его распахнулись, в них появился ужас, рот открылся, словно он хотел что-то крикнуть Кириллу, и нечленораздельный вскрик все же сорвался с его губ, но в следующий момент человек взлетел в воздух, как будто его туда вздернули веревкой, и исчез во тьме.

Остолбеневший Кирилл проводил взглядом возносившегося в черноту человека, сделал шаг назад и сам чуть не провалился в точно такую же дыру, которая оказалась позади. Видимо, он просто перешагнул ее в темноте, не заметив. Еще одна вспышка озарила надгробие поодаль, в темноте показался еще один силуэт. Это была невысокая женщина, в темноте отчетливо виднелось светлое платье ниже колен и длинные волосы.

– Мать честная! – ахнули рядом, и на женщину упал яркий луч света – это через кладбищенский забор перешагнул Виктор Николаевич.

Кажется, женщина успела услышать этот возглас и даже обернулась на него. Она была очень-очень старой, ее бессмысленная улыбка напоминала оскал. В следующее мгновение она тоже взмыла в воздух, словно ее магнитом увлекло вверх, и исчезла!

Ошарашенный Кирилл споткнулся о могильный памятник. С него было достаточно. Он поспешно ретировался с кладбищенской земли, целясь из карабина то направо, то налево – туда, откуда доносились шорохи и стуки. Вдвоем с Виктором Николаевичем они перемахнули через жерди кладбищенской ограды, отбежали, встали рядом спина к спине. Прислушались.

Какое-то время Кирилл слышал только свое тяжелое дыхание и испуганное пыхтение соседа. Да он и сам была изрядно напуган, чего уж там! Не каждый день видишь оживших мертвецов!

Совсем рядом с забором мелькнула еще одна вспышка, и новое тело воспарило к небесам. В свете фонаря мелькнули лакированные мужские туфли. Такие туфли никто не носил, наверное, уже лет пятьдесят!

Кирилл ожидал, что на них в любую минуту может кто-нибудь спикировать сверху, и все время посматривал вверх, в черное беззвездное небо, но все было тихо.

– Отступаем к дороге! – наконец скомандовал Кирилл.

Виктор Николаевич помчался сквозь кусты первым, Кирилл, стараясь не паниковать, прикрывал отход.

Они выбежали на дорогу. Фонарь, который Кирилл оставил на дороге, светил в отдалении. Отдышались, постояли, прислушиваясь.

Шум со стороны кладбища все еще продолжался.

– Что это? – спросил Виктор Николаевич. – «Восставшие мертвецы двадцать пятьдесят один»?

Он шумно отдувался в темноте после бега. Кирилл как бы невзначай светанул на него фонарем. У старого джентльмена даже очки запотели от волнения и переживаний.

– Да они вроде не мертвецы... – сказал Кирилл. – Мне они показались очень даже живыми...

– Не светите мне в лицо! – нервно вскрикнул Виктор Николаевич.

– Простите... – Кирилл отвел в сторону ствол карабина.

– Что же это вы такое изобрели, наконец, – громким шепотом спросил Виктор Николаевич, – что мертвецы из-под земли полезли?

– Кто это – вы?

– Военные, кто-кто!..

– Ну да, как что, так сразу военные... – буркнул Кирилл, – надо же кого-то во всех грехах винить. А может, причина в чем-нибудь другом?

Виктор Николаевич только вздохнул в ответ.

– Стойте здесь, я пойду заберу фонарь и двинемся дальше в поселок, – приказал Кирилл, – там должна быть хоть какая-то связь с внешним миром. Спутниковая связь или радиостанция на самый худой конец.

«Если только там еще хоть что-то работает», – подумал он.

Наверное, и Виктор Николаевич подумал о том же самом.

...До ближайших домов поселка шли быстро, почти бежали. Кирилл все время оглядывался, но кругом было темно и тихо. Слишком тихо.

Поселки здесь, на Алтае, были совсем не такие, как в Подмосковье. Улицы были широкими, подворья – вольготными и предназначались они не для огорода, а для загона скота. Дома и деревянные аилы стояли друг от друга на большом расстоянии, а глухие заборы тянулись только вдоль центральной улицы, через которую проходила дорога на турбазу.

Сейчас в поселке стояла гробовая тишина. Было ясно – здесь никого нет. Кириллу на мгновение показалось, что окружающие поселок молчаливые сопки придвинулись в темноте поближе к домам – наверное, тоже прислушивались, есть ли здесь кто-нибудь?

Кирилл усмехнулся. Какие только мысли не придут в голову в кромешной тьме да еще после потери сознания! Интересно, сколько времени он был в отключке? И не спросишь ни у кого...

Он посветил вверх. Луч фонаря неуверенно нащупал в темноте линию электропередачи.

– Надо найти подстанцию. Может, удастся включить свет?

– Здесь нет подстанции, – ответил Виктор Николаевич, – здесь трансформатор, так же, как и на турбазе. Если света нет, значит, он тоже сгорел.

Кирилл не стал спорить.

У домов они разделились, чтобы проверить ближайшие подворья. Сошлись на том же самом месте через полчаса.

– Никого? – спросил Кирилл.

– Никого.

– И у меня пусто. Обшарил два аила. Двери открыты, а так – ни души. Даже собак нет.

С каждым мгновением Кириллу становилось все тревожнее. Что же происходит?

Они быстро прошли по улице и почти выбежали на площадь перед двухэтажным административным зданием. Центральные двери были заперты, несколько стекол в окнах первого этажа – разбиты.

Странно!

На крыше здания Кирилл заметил антенны и понял, что пункт связи с Большой землей находится именно здесь.

Окна на первом этаже были зарешечены, и проникнуть через них внутрь было нельзя.

Кирилл прошел вдоль стены, свернул за угол. Здесь, в угловом кабинете на втором этаже оказалось незакрытым одно из окон. Возможно, утром кто-то все-таки успел придти на работу.

Кирилл махнул рукой Виктору Николаевичу.

– Ждите здесь!

Виктор Николаевич тяжело вздохнул: стоять и ничего не делать, ожидая своего более молодого и ловкого напарника ему было нелегко, но деваться было некуда, ни года, ни сложение не позволяли ему лазать по стенам.

– Я сейчас, – ободряюще сказал ему Кирилл.

Он закинул карабин за спину, поставил фонарь на землю так, чтобы было видно стену, наступил на фундамент, ухватился за решетку на окне, потом – за водосточную трубу, подтянулся вверх, нащупал ногой крепление трубы и сумел подняться настолько, что смог дотянуться до окна.

Еще несколько мгновений – и он был внутри.

В кабинете Кирилл бесцеремонно протопал по столу у окна, спрыгнул на пол, перехватил карабин, осветил «тактикой» по стенам кабинета. Канцелярия, ничего интересного.

Толкнул дверь, вышел в коридор, двинулся мимо череды закрытых дверей, на ходу читая таблички. Толкнул дверь с надписью «Центр связи». На его счастье, дверь оказалась открытой, видимо, связист тоже успел придти на работу. А может, это был не связист, а уборщица, которая пришла пораньше вымыть полы. Полезная привычка – убираться с утра пораньше!

В кабинете Кирилл обнаружил лаймер, который на поверку оказался расплавленным куском пластика, и старенькую рацию в углу на столе. Такие радиостанции работали не только от сети, но и от аккумуляторов. Он включил рацию, пощелкал тумблерами, но она оставалась мертвой. Не беда, с ней можно повозиться, быть может, у нее просто разряжены аккумуляторы или сгорели несложные схемы. На детали можно будет разобрать старые лаймеры на турбазе.

Кирилл отключил рацию от сети, снял со стола. Она оказалась довольно тяжелой.

Офицер повернулся к двери, чтобы выйти в коридор, и замер. Его остановил не звук и не запах. Его остановило ощущение опасности, которое он почувствовал так явственно, как будто снова проводил операцию по зачистке где-нибудь в катакомбах Москвы!

Только на этот раз за углом в коридоре был не конвир, не террорист, а кто-то более страшный, более сильный и еще более беспощадный. Кирилл почувствовал, как от адреналина словно иголками покалывает предплечья – такое с ним бывало в минуты особой опасности.

Затаив дыхание, он осторожно опустил рацию обратно на стол, и стараясь двигаться бесшумно, потянул из-за спины карабин...

Произошедшее в следующие секунды Кирилл потом восстанавливал по памяти.

Патрон был уже в патроннике, и ему оставалось только сдернуть вниз предохранитель. От первого удара мощной лапы неизвестного противника он ушел – вовремя пригнулся.

Над головой в щепки разлетелся косяк двери.

Кирилл выстрелил снизу вверх в мохнатого, огромного противника, неожиданно возникшего перед ним в темноте. Выстрел оглушительно прозвучал в тесной комнате.

Кирилл перекатился по полу в сторону, выстрелил снизу вверх еще раз, скользнул под укрытие стола, на котором стоял сгоревший лаймер, кубарем выкатился с другой стороны в тот самый момент, когда от удара врага стол сломался пополам и сложился внутрь, словно картонка.

Кем бы не был противник, он был очень сильным!

Но отступать было некуда. Кирилл перемахнул через журнальный столик с чайником, по привычке стараясь не светиться на фоне окна, хотя темень была такая, что наверняка разницы не было никакой, перевел флажок предохранителя на режим стрельбы очередями, развернулся к противнику и выпустил в него длинную очередь.

Это остановило неожиданного визитера, Кирилл в свете тактического фонаря успел разглядеть свирепую морду, похожую на медвежью, маленькие злобные глазки и оскал десятков длинных острых зубов.

Перед ним был не медведь, а какой-то совсем другой зверь! Да и зверь ли?

Кирилл всадил в грудь животному, наверное, десять или двенадцать пуль. Медведь уже упал бы или хотя бы взревел бы от боли. А это существо молчало. Оно только остановилось, тяжело дыша.

Кирилл не опускал карабин, целясь твари прямо в лоб. Внезапно «медведь» ощерился, из горла зверя вырвался странный рык, больше похожий на бормотание, а потом он неправдоподобно быстро для такого огромного существа метнулся прочь из комнаты и исчез в дверях.

Кирилл слышал, как он ураганом пронесся по коридору. Толстые доски пола гнулись и скрипели под тяжестью массивного тела. В конце коридора зазвенело разбитое окно.

Кирилл на цыпочках метнулся через комнату, у порога остановился, осторожно выглянул в коридор. Луч фонаря осветил разбитое окно в конце коридора. Похоже, «медведь» просто выпрыгнул в него, как кошка.

Офицер оперся спиной о стену, какое-то время постоял, приходя в себя. Кровь бешено стучала в висках. Карабин он держал наизготовку, все еще ожидая нападения. Но в коридоре, да и покое, во всем здании, было тихо. Кирилл наконец расслабился, опустил карабин, и сразу же услышал голос Виктора Николаевича. Тот тихо звал его по имени.

Ну что ж, по крайней мере, старый джентльмен был жив!

Кирилл вернулся в комнату с открытым окном, выглянул наружу. Несмотря на возраст и внушительную комплекцию, Виктор Николаевич с неожиданной ловкостью взбирался по водосточной трубе. Труба скрипела и тряслась, грозя обрушиться вниз, но выдержала вес пожилого джентльмена.

Кирилл молча подал ему руку.

– Вы видели? – задыхаясь, спросил его Виктор Николаевич, почувствовав под ногами твердый подоконник. – Это в него вы стреляли?

– В него, – Кирилл осторожно выглянул в коридор. – Я там рацию нашел, есть шанс, что она живая, надо бы ее забрать, но сначала я хочу посмотреть, откуда пришла эта тварь. Окна-то на первом этаже зарешечены, а летать медведи пока не научились...

– Разве это был медведь? – взволнованно спросил Виктор Николаевич. – А мне показалось, что это была громадная кошка, вроде барса или пумы, только больше.

– Не знаю, кошка это или медведь, но на двух лапах оно ходит, как мы с вами, – ответил Кирилл, двигаясь дальше по коридору.

Он посветил на разломанный зверем косяк, посмотрел на следы от огромных когтей, которые остались на штукатурке, потом – на разломанный стол, присвистнул.

– Да, когти у него нешуточные. Знаете что, – сказал Кирилл, – я передумал. Берите рацию, я буду вас прикрывать, пойдём на турбазу. А то женщины там одни. Это не дело.

Виктор Николаевич согласно кивнул. Только очки в темноте блеснули.

Они осторожно спустились на первый этаж и вышли через служебную дверь во внутренний дворик.

Здесь располагалось автохозяйство администрации поселка: вдоль забора тянулось несколько гаражных боксов, да под открытым небом ржавела пара старых, раздолбанных «Патриотов» без колес.

Кирилл мимоходом проверял ворота гаражей. Ему пришла мысль, что неплохо было бы уехать отсюда на машине. Пешком до турбазы надо было идти минут двадцать, а на машине такое расстояние можно было преодолеть в десять раз быстрее. Одна из дверей в гаражных воротах оказалась открытой.

– Стойте! – скомандовал Кирилл, и Виктор Николаевич, который шел впереди в обнимку с рацией, встал, как вкопанный.

– Идите сюда! Если найдем машину, решим сразу две проблемы. Как доехать до наших милых и...

– И как выбраться из долины! – подхватил Виктор Николаевич.

Кирилл прекрасно понимал, что вся электроника машин, скорее всего, тоже вышла из строя, но рассчитывал на свое везение, которое столько раз не подводило его на боевых заданиях, да и просто в жизни. Недаром же дожил до двадцати восьми лет без особых происшествий и ранений и дослужился до капитана. А капитан БНБ – это вам не какой-нибудь вшивый пехотный майор! Перед капитаном БНБ навтыжку становятся не только майоры, но и полковники! Еще три года такой службы и можно было перевестись на штабную работу, а там, глядишь, и новый скачок по карьерной лестнице: получение всех гражданских прав! И даже права голоса! Стоит войти в золотой миллион нации и можно спокойно обзаводиться детьми, домом и престижным авто.

В гараже находились два грузовика, два подержанных внедорожника и один замученный «Патриот».

Машины были старые, без электронных блокираторов, и это значительно облегчало задачу.

Кирилл быстро, с привычной сноровкой, взламывал замки, обрывал провода и замыкал их, пытаясь завести. Увы, автомобили были неисправны и не заводились.

Единственный рабочий автомобиль – древний «Ленд Ровер» с почти «лысыми» покрышками и ржавым шноркелем, торчавшим над капотом, они нашли у самой стены гаража. Удивительно, но автомобиль был на ходу, даже фары горели. Только бензина было мало – стрелка указателя лежала почти на нуле.

Виктор Николаевич осторожно положил на заднее сидение рацию, сразу же залез туда сам, чтобы придерживать ее во время езды. Кирилл явственно различил, как у него постукивают от страха зубы.

– Сидите здесь. Я сейчас! – ободряюще сказал он пожилому джентльмену. – Найду бензин и вернусь.

По опыту Кирилл знал, что запасливые водители, скорее всего, в гараже держат бочку с горючим. Надо было отыскать канистры, налить в них бензин, а потом залить в бак.

Бочку с бензином он нашел в дальнем углу. Тут же лежал толстый шланг. В багажнике одного из внедорожников Кирилл отыскал две двадцатилитровые канистры.

Но в тот момент, когда он поставил их на пол и захлопнул дверцу багажника, он услышал совсем рядом странный цокот, как будто какое-то животное пробежало, постукивая коготками по бетонному полу.

В другой раз Кирилл и не обратил бы на это внимания, но сейчас нервы были на пределе. Лучше перебдеть...

Он сдернул с плеча карабин, осторожно заглянул за машину. Никого. Посветил на всякий случай себе под ноги – шорох был таким, что, казалось, его мог издавать только небольшой зверек.

Может быть, здесь, в гараже, осталась кошка? Или щенок? На полу никого не было.

Кирилл посветил вверх и почти сразу же выстрелил – оттуда, с потолка, на него падало какое-то небольшое, темное животное. Кажется, у него была только одна пара лап и крылья. А еще зубы, много зубов...

Животное отбросило выстрелом в сторону, и оно распласталось на полу черной кляксой.

– Что там такое? – услышал Кирилл обеспокоенный крик Виктора Николаевича.

– Все нормально! – глядя сквозь прицел карабина, Кирилл осмотрелся, тщательно проверил потолок. На потолке больше никого не было. Он только на секунду подошел глянуть, что за чудо-юдо его атаковало, и тут же попятился. Судя по всему, перед ним был мутант. Радиационный мутант с юга. Тьфу, пропасть! Наверное, залетел сюда с Афганистана.

Надо было торопиться.

Нахлебавшись бензина, – ну как без этого! – Кирилл торопливо накачал горючего из бочки в канистры, почти бегом оттащил канистры к «Ленд Роверу», торопливо нашел воронку, плеснул немного бензина в бак – лишь бы хватило до турбазы, остальное поставил в багажник. Его подгоняло обостренное чувство опасности и слух. То и дело казалось, что он снова и снова слышит все тот же торопливый стук коготков под ближайшими машинами.

Если таких мелких зубастых тварей здесь было много, не миновать беды!

Сдерживая желание сесть в машину и запереться в ней, он открыл тяжелые, высокие гаражные ворота, краем глаза заметил, как небольшое пятнистое животное юркнуло под соседнюю машину, потом, наконец, быстро запрыгнул в «Ленд Ровер», захлопнул дверцу, в которую сразу же ударилось что-то небольшое, но весьма увесистое, и повернул в замке ключ зажигания.

– Что это? Кто это? – удивленно спрашивал его Виктор Николаевич, но Кирилл молчал.

На проходной автомобиль снес старенький шлагбаум, «Ленд Ровер» тряхнуло, но Кирилл только надавил на газ, желая как можно быстрее оставить позади и этот гараж, и темное, молчаливое здание администрации, и этот чертов поселок.

Заговорил Кирилл только тогда, когда они выехали из поселка.

– Это была еще одна тварь... Вам ее лучше не видеть, – Кириллу пришлось повысить голос, чтобы перекричать шум старого двигателя.

– Смотрите, а там по-прежнему мелькает, – испуганно сказал в ответ Виктор Николаевич.

Кирилл посмотрел налево, в сторону кладбища. Там, в самом деле, вспыхивали и гасли голубоватые огни.

– Плевать! – сказал Кирилл. – Лишь бы не лезли к нам. Меня больше волнуют мутанты.

– Мутанты? – переспросил Виктор Николаевич. – Откуда здесь мутанты? Отсюда до районов радиационного заражения не менее трех тысяч километров!

– Я почему знаю, откуда, – огрызнулся Кирилл, – вот только факт, что они уже здесь!

– Что? – перепросил Виктор Николаевич.

– Ничего! – рявкнул в ответ Кирилл. – Не знаю я, как они здесь оказались!

Дорога была, как стиральная доска, подвески автомобиля оказались очень жесткими, и Кириллу приходилось держать ухо востро. Сильно он не гнал, чтобы ненароком не вылететь с дороги в повороте.

Не хватало еще осложнить и без того непростую ситуацию!

Наконец, увидел знакомый указатель, притормозил. Тормозные колодки автомобиля противно запищали.

Через две минуты они были в домике.

– Кирилл! – Эвелина бросилась к нему, обняла. – Хвала патриархам, вы вернулись! Здесь так страшно, там, за окнами, все время кто-то ходит... Дышит так тяжело. Это медведь? Медведь, да?

– Медведь? – Кирилл обнял Эвелину, потом отстранил, подошел к окну, к которому был пододвинут тяжелый платяной шкаф – а еще говорят, что женщина слабое существо! – глянул в щель, но снаружи никого не было. Да и кого увидишь в кромешной тьме? Повернулся к Эвелине, привлек ее к себе, прижался губами к ее угольно-черным волосам, вдохнул тонкий аромат весенних цветов – ее любимые духи.

– Медведь. Ну конечно, это медведь!

Мужчины быстро проверили все окна, забаррикадировали те, которые показались недостаточно защищенными.

Потом все собрались за столом в гостиной.

– Короче, девушки, – вздохнул Кирилл, – дела наши... Непонятные дела. В поселке людей нет, зато бродят какие-то звери. Нехорошие звери.

Эвелина метнула на мужа испуганный взгляд.

– Думаю, этих зверюг что-то пригнало сюда с юга, – Кирилл не обратил внимания на сдержанный вздох Елены Анатольевны, задумчиво почесал уже отросшую щетину. – Рацию мы нашли, но рацию надо отремонтировать. Сначала надо найти нормальное жилье. Это, – Кирилл кивнул на стены, – это домик Наф-Нафа, придет серый волк, дунет, и все развалится. Надо перебазироваться туда, где толстые стены, и где дом легко защищать. Вы собирайте вещи, а мы пойдем, посмотрим, есть ли тут дома получше.

Он кивнул Виктору Николаевичу, встал, взял карабин, достал из сумки патроны, молча набил магазин, примкнул его к карабину и вышел. Виктор Николаевич поплелся следом.

Женщины следили за ними почти с ужасом. Эвелина вышла следом в прихожую, закрыла за мужчинами дверь на задвижку, вернулась в гостиную.

– Никогда не видела Кирилла таким! – словно жалуясь, сказала она Елена Анатольевне.

Пожилая женщина вздохнула, встала с кресла. Кажется, она все-таки пришла в себя.

– Давайте собираться, милочка, – сказала она, и высоко подняв голову, вышла из гостиной в свои комнаты.

Через час они уже обживали тот самый двухэтажный огромный дом на краю турбазы, сложенный из толстых, в обхват, бревен. Сначала стаскали все оставшиеся вещи постояльцев в маленькую каморку под лестницей. Потом Кирилл и Эвелина заняли три комнаты на нижнем этаже, а Виктор Николаевич и Елена Анатольевна выбрали небольшой номер на втором этаже, в глубине маленького, узкого коридора.

Если бы не эта странная ситуация, в которой оказались обе пары, дом вызывал бы только восхищение. Внутри он был отделан кедром и можжевельником, а посередине, в большой гостиной, был устроен огромный камин. Кирилл, помня о странном зубастом существе, велел держать заслонки закрытыми и открывать их только тогда, когда камин топили. А топить его приходилось все чаще – температура на улице стремительно падала, и это не походило на холодное лето.

Кирилл уже начал подумывать о ядерной зиме.

Мужчины передвигались по турбазе на автомобиле. Они перевезли в дом весь арсенал, который был в егерском доме, продукты с ближайших кафе, все инструменты, неисправные лаймеры и даже старые приемники, которые им удалось найти в домиках.

После того, как быт, по мнению Кирилла, был налажен, он принялся за ремонт рации. Пожилые супруги почти не выходили из своего номера, разговаривали вполголоса, замолкали, если видели рядом Кирилла. Глаза Елена Анатольевны почти всегда были заплаканными. Виктор Николаевич выглядел расстроенным.

Эвелина двигалась по дому тихой тенью, старалась не отвлекать Кирилла от работы. Молчала, о чем-то напряженно думала. Кирилл надеялся, что в отсутствие электричества она будет много спать, потому что она всегда была соней, но спала она, наоборот, очень мало, чаще сидела в комнате, молча смотрела на пламя свечи, иногда пыталась читать найденный среди чужих вещей томик Томаса Манна.

Однажды Эвелина зашла в комнату, где Кирилл ремонтировал рацию, решительно встала в дверях.

– Кирилл! Я хочу поговорить!

По ее тону Кирилл понял, что деваться некуда и поговорить придется. Он терпеливо вздохнул, отодвинул в сторону плату, в которой перепаяивал детали, нагревая на газовой горелке тонкое шило, выключил горелку, экономя газ, повернулся в жене.

– Конечно. Давай поговорим.

Эвелина решительно взяла его за руку, отвела на диван в средней комнате.

– Скажи мне, все ведь серьезно, да?

Кирилл мог солгать, но делать это, глядя в глаза любимой женщины было трудно, почти невозможно.

– Да, – сказал он.

– Это ведь был не медведь, да? – Эвелина настойчиво заглядывала ему в глаза.

При пламени свечей ее черные глаза блестели, словно расплавленная смола.

– Ну, радость моя, скажем так, это был не совсем медведь, – ответил Кирилл и все-таки отвел взгляд в сторону.

– А кто?

Кирилл посмотрел Эвелине в глаза.

– Я не знаю. Это какое-то очень большое и очень сильное животное. Передвигается на двух и на четырех лапах. Морда похожа на медвежью. Лапы длинные. Цвет черный или темно-бурый, больше я ничего не успел рассмотреть.

– Где ты его видел? Там, в поселке?

Кирилл вкратце рассказал, как он залез в здание администрации поселка и как встретился там с непонятным существом.

– А ты не думал, что это может быть снежный человек? Йети? – Эвелина встревожено смотрела на Кирилла.

– Ну-ка, давай рассказывай, – внезапно догадался Кирилл, – что ты видела? Ты ведь видела кого-то, когда задвигала окна мебелью там, в домике?

– Видела... – почти прошептала Эвелина, и ее глаза стали еще темнее. – И поэтому мне очень страшно.

– Что именно ты видела? – повторил вопрос Кирилл.

– Тебе не кажется, что все вообще изменилось? – ответила она вопросом на вопрос.

– Конечно, стало темно, – согласился Кирилл, успокаивающе глядя жене по руке.

– Не просто темно, стало очень темно. Исчезла луна, исчезли звезды, исчез ветер. Ты заметил, что с озера больше не дует ветер? А ведь он дул каждый вечер. Запахи исчезли. Нет больше запаха хвои, запаха озера, запаха трав.

– Но я чувствую запах твоих духов.

– С каждым часом он становится все слабее. Смотри – ты паяешь, а ничем не пахнет. Больше нет даже запаха чая. И вкус – вкус еды тоже изменился.

Кирилл встал, прошелся по комнате. Перед его мысленным взором стояла картина, которую он видел на кладбище: мужчина-алтаец, в бессмысленных глазах которого рождалась мысль.

Что это было? Что? Он мучился, но не находил ответа.

– Мне кажется, произошло одно из двух, – сказала Эвелина, – или мы провалились в Тартар, что весьма вероятно в этих странных, диких краях, или наступил конец света.

Кирилл глубоко вздохнул. Помолчал. Потом выдавил:

– А разве это ни одно и то же?..

...Кирилл остановился, потому что под ботинками зачавкало. Он посветил вниз, прямо под ноги, присмотрелся. Сухая трава сменилась грязью. Болото! Здесь, в степи, болота могли тянуться километрами. Чаще всего они шли вдоль ручьев, которые стекали к рекам. Возможно, он был уже довольно близко к цели.

Но болото все равно придется обходить с востока, ничего не попишешь. О, если бы это было последнее препятствие перед Теленгит-Сортогоем! Кирилл снова вытащил компас, посмотрел, насколько отклонится от курса, обходя топь стороной, пожал плечами. В сущности, он вообще не знает, правильно ли идет, так что ему остается одно – сохранять спокойствие. До самого конца.

Он свернул на северо-восток и пошел дальше, видя перед собой только кусок земли, поросший невысокой жухлой травой. Вскоре трава сменилась щебенкой, покрытой беловатым лишайником. Идти по щебенке было легче. Лишайник приятно похрустывал под подошвами башмаков, пружинил. А примерно через час луч фонаря осветил насыпь. Сердце забило быстрее.

Кирилл взобрался наверх по осыпающемуся склону из песка и крупных белых камней, похожих на черепа, и оказался на автомобильной дороге. Дорога была узкой, укатанной. Возможно, она вела к одному из разбросанных по степи алтайских стойбищ или соединяла между собой поселки. Кирилл снова посмотрел на компас и опять двинулся на север.

...Радио он тогда отремонтировал. Привез со стоянки рабочий аккумулятор из машины, подключил. Все собрались у камина, чтобы узнать, сможет ли Кирилл поймать хоть какую-нибудь станцию.

Елена Анатольевна как-то очень суетливо хлопотала у камина с джезвой, Виктор Николаевич нервно сосал костяной мундштук – сигарет у него не осталось, и он сначала перешел на найденные в новом доме дешевые вонючие папиросы, но искурил их быстро и теперь все, что ему оставалось – это сосать чужой, дурно пахнущий табачной смолой пластмассовый мундштук.

Эвелина, не отрываясь, смотрела на Кирилла. Во взгляде читалась надежда.

Темное пространство эфира ворвалось в уютную гостиную хрипом и далеким, тревожным завыванием помех. На длинных волнах работающих радиостанций Кирилл не обнаружил. Он разочарованно вздохнул и стал методически проверять эфир сначала на средних, а затем на коротких и ультракоротких волнах.

Молчание затягивалось. Елена Анатольевна разлила дымящийся черный кофе по крохотным фарфоровым чашкам, от волнения пролила на скатерть, разохалась, потом замолчала, сообразив, что мешает Кириллу.

Виктор Николаевич начал нервно расхаживать между диваном и книжным шкафом. Эвелина нетерпеливо переменила позу, подперла смуглую щеку кулачком.

Наконец, сквозь хрипы и бурю электрических помех в комнату ворвался человеческий голос.

– Хийд Эсеге Малан-тенгри... Зам чиглэлийг... зааж орох... хийд Эсеге Малан-тенгри!..

– Ничего не могу понять... – сказала Эвелина. – Тарабарщина какая-то.

– А по-моему, это по-монгольски, – сказал Виктор Николаевич. Было видно, что он рад помочь. – Мне кажется, что-то вроде «Вас ждут в Эсеге Малан-тенгри» или «Дорога ведет в Эсеге Малан-тенгри». Я работал в Улан-Баторе, еще когда Монголию не захватил Китай. А наших, наших нет?

Кирилл записал длину волны на листке бумаги, стал искать дальше. Один раз всем показалось, что они услышали русскую речь, но ее сразу же заглушили помехи, и сколько они не вслушивались в треск, больше не смогли различить ни слова.

Наконец, Кирилл отошел от радиации. Он был расстроен и раздражен и старался скрыть это, но, кажется, не особо получалось. Все надежды рушились.

– В эфире нет даже привычных позывных спутников связи, – шепотом сказал он Виктору Николаевичу, когда Эвелина взяла чашку кофе со стола и постаралась разговором отвлечь Елену Анатольевну от мрачных мыслей.

– А что это такое?

– Это такие сигналы, которые постоянно идут от спутников на определенных волнах. Обычные люди на них не обращают внимания.

– И что это значит?

– Скорее всего, спутников больше не существует. Ни одного.

Кирилл нахмурился. В эфире не было ничего. Вообще ничего. Даже китайских спутников. Только эта тарбарщина на монгольском. Это означало одно: привычного мира больше не существовало. А значит, надо было действовать самостоятельно.

– А давайте подежурим у радиации по очереди, – предложила Эвелина. – Я буду первой! Кирилл, покажи, как с ней обращаться! – потребовала она, и Кирилл подчинился.

Через минуту она уверенно вращала верньер настройки и переключала диапазоны. В эфире по-прежнему выли сотни космических собак.

– Господа, вы как хотите, – чуточку церемонно сказал Кирилл, – а я пойду спать – устал. Если что-нибудь услышите, разбудите. Нет, Елена Анатольевна, кофе не буду.

И вышел.

Надо было срочно придумать план, как отсюда выбираться. Но вместо того, чтобы что-нибудь придумать, он заснул сразу, как только лег на кровать поверх покрывала.

Его разбудила Эвелина.

– Пойдем, я, кажется, что-то нашла. В динамики, оказывается, слышно плохо, в наушниках намного лучше. Ну просыпайся же!..

В гостиной было сумрачно и прохладно. Еле слышно потрескивали дрова в камине.

Кирилл надел наушники, прислушался. Сквозь хрипы до него доносился тихий, отчетливый голос.

– Говорит «Бирюзовая Катунь»! Говорит «Бирюзовая Катунь»! Мы находимся на турбазе под Артыбашем. Мы – это Серый, Мигрень и Туз Пик. Мы не знаем, что случилось. Еда заканчивается. Если в ближайшее время за нами не придут спасатели, мы будем продвигаться к Барнаулу. Присоединяйтесь к нам. У нас есть оружие и карты. Говорит «Бирюзовая Катунь»! Говорит «Бирюзовая Катунь! Мы находимся на турбазе под Артыбашем... – Кирилл снял наушники.

– Это автомат. Они на севере Телецкого. Или были там.

– Значит, здесь есть еще люди!

– И они так же, как и мы, ничего не знают, – ответил Кирилл. – Но это лучше, чем ничего! – утешил он жену.

Он осторожно запустил руку в тяжелые, густые волосы Эвелины, нащупал пальцами нежную шею, запрокинул ей голову и поцеловал. Потом нежно потерся носом о ее носик.

– Похоже, пора устроить Большой Совет. Иди посмотри, если наши старики не спят, зови их сюда.

Пока Эвелина ходила, Кирилл опять надел наушники, стараясь расслышать что-нибудь еще в этом голосе, который все звучал и звучал в эфире.

– Говорит «Бирюзовая Катунь»! Говорит «Бирюзовая Катунь»!..

– Кирилл!!!..

Крик был такой, что Кирилл сорвал наушники и в мгновение ока очутился на лестнице, где подхватил жену, почти упавшую ему на руки сверху. Даже в свете фонарей, расставленных по дому, было видно, как она побледнела.

– Кирилл... – ее лицо исказилось, губы тряслись. – Кирилл! Там!.. Они...

Кирилл мягко опустил Эвелину на ступени, метнулся вверх, ударом ноги распахнул дверь номера и понял, что спешить некуда.

Они лежали в темноте рядом, на огромной супружеской кровати с балдахинном. Кирилл посветил фонариком. На тумбочке, со стороны Виктора Николаевича стоял пустой пузырек из-под лекарства и фарфоровая белая чашка с золотой каемкой по краю.

Наверное, у неугомонной старушки было что-то с собой в сумочке, у старушек всегда полно всяких лекарств в ридикюльчиках. Кирилл прочитал название. Кажется, снотворное. Затем наступил коленом на кровать, аккуратно проверил пульс на шее пожилого джентльмена, затем – пульс на шее его супруги. Оба были мертвы. Ушли быстро и навсегда.

Оказывается, трех дней достаточно для того, чтобы решиться уйти из жизни. Только сейчас Кирилл заметил записку, оставленную на журнальном столике, сделанном из цельной колоды кедра. Кирилл взял ее, убедился, что это записка от Виктора Николаевича, но читать не стал, сунул в карман. Он спешил к Эвелине. Сейчас нельзя было оставлять ее одну!

Эвелина сидела в спальне на диване, поджав ноги, прижав к себе подушку и с ужасом глядя на постель. Из-за подушки Кирилл видел только полные страха черные глаза. Челка, падающая на лоб, выделялась на бледном лице темной скобочкой. Она была такая маленькая, худенькая и испуганная, что у Кирилла дрогнуло сердце.

– Иди сюда, солнце мое! – сказал Кирилл, и осекся.

Солнце... Зря он так сказал.

Он присел на диван рядом с женой. Кирилл думал, что она станет дичиться: ее поведение предугадать было сложно, но она отбросила подушку в сторону и бросилась к нему на грудь.

– Кирилл! А я сидела в это время внизу! А они!.. Как же это... Кирилл!

Она не плакала, только все время прижималась к нему, словно стараясь спрятаться от темноты, которая сгущалась в углах спальни. Расставленные по комнате маленькие свечи трепетали, и тени от них двигались по стенам, словно отдельные живые существа.

Кирилл, утешая, прижал ее к себе сначала нежно, потом сильнее, потом – уже настойчиво, запрокинул голову, нашел своими губами ее губы. Эвелина поначалу тоже прикинула к нему, как бы ища защиты, потом почувствовала его настойчивость, попыталась отстраниться, но это ей уже не удалось, а потом – она просто уступила его силе, поняв, что сейчас и ему тоже нужно почувствовать себя живым...

Потом они лежали на постели, глядя в потолок, и думали – каждый о своем. Кирилл крепко обнимал Эвелину за плечи, не отпускал. Он чувствовал плечом, боком и бедром все ее такое тоненькое, такое нежное, горячее тело и думал о том, что наверху, почти над ними, сейчас тоже лежат двое.

Если бы не эти двое, здесь можно было бы оставаться сколько угодно долго. А так... Даже если он похоронит их где-нибудь под сосной на территории турбазы, то жизни здесь все равно не будет. Ему-то без разницы, трупов он насмотрелся, а вот Эвелина все время будет думать только об этом.

Кирилл скосил на нее глаза. Она все так же, с ужасом, смотрела в потолок. Нет, надо увозить ее отсюда.

С другой стороны – хотелось остаться в доме, забиться в щель, переждать. Мало ли, что там, в этом новом мире? А вдруг там уже ничего нет?

А ведь ему тоже надо в Москву! Три дня прошло, никто не появился. Значит, произошло нечто серьезное. Если снова будет мобилизация, его хватятся. Не сочли бы дезертиром... А то по законам военного времени пустят в расход, и все дела!

Значит, надо выбираться в Барнаул! Если там есть хоть какая-то связь, надо связаться с полковником Файербахом. Придется или переплыть озеро на катере, если они найдут катер с рабочим двигателем, или попробовать выехать отсюда на внедорожнике, сделав при этом огромный крюк чуть ли не в пятьсот километров. А ведь по дороге надо будет где-то заправиться...

Кирилл прикинул, сколько литров горючего ест этот старый, заезженный «Ленд Ровер».

«Литров двадцать, не меньше! Значит, понадобится примерно двести литров горючего до Барнаула. Надо посмотреть карты, в уме точно подсчитать не получится... Можно слить бензин из баков всех машин, которые сейчас стоят на стоянке».

Неожиданно заговорила Эвелина. Ее мысли перекликались с тем, о чем думал он.

– Мы уедем отсюда, да?

– Да, малыш.

– Куда?

– На север. Найдем катер и переправимся через озеро.

– А если не найдем, пойдем по берегу?

– По берегу не пройдем. Тайга, горы, дикие звери. Если не найдем катер, тогда – в машину и через перевал. Согласна?

– Согласна. Кирилл...

– Да.

– Что же все-таки произошло? Что?

– С ними?

– Да не с ними... Вообще, с миром.

– Малыш, я не знаю. Если до сих пор нет вертолетов и спасателей, значит, там, на севере, может быть еще хуже. В смысле жертв больше. Вот они и заняты, наверное.

– А может быть так, что на всей Земле уже никого нет?

– Нет, такого быть не может, – уверенно заявил Кирилл, хотя совсем не был в этом уверен.

Мало ли что могли изобрести ученые. Вон, в двадцатом веке такую бомбу взорвали, что еще чуть-чуть, и последствия для Земли были бы катастрофическими. Может, и сейчас жакнули чем-то таким, чего не выдержал старенький шарик, и его снесло с орбиты в сторону. Или пододвинуло? Или ось вращения сменилась? Поэтому и нет ни солнца, ни луны. Было же землетрясение, и Тьма была. Да, Тьма... Она надвигалась, как живая, с северо-запада. Значит, наоборот, ударили там? Значит, чтобы спастись, надо идти на юг? И тогда, может быть, они выйдут из-под действия этого непонятного, незнакомого оружия?

Кирилл понял, что план побега с Телецкого у них уже есть. Надо действовать. Он поцеловал Эвелину в носик и пошевелился, высвобождая из-под нее руку.

– Давай собираться, малыш. Курорт закончился.

Глава вторая

Перевал

...Почти все вещи после переезда в бревенчатый дом так и остались нераспакованными, и сборы не заняли много времени – осталось собрать продукты и воду.

Кирилл возблагодарил судьбу за то, что водоснабжение турбазы шло из огромной бочки, в которую сначала электрическими насосами накачивали воду, а потом она уже самотеком расходилась по домикам и кафе. После того, как электричества не стало, вода в бочках все еще оставалась.

Сгрузили в машину и весь арсенал. Среди боеприпасов была даже взрывчатка, наверное, егерь промышлял не только охотой, но и «порыбачить» был не дурак. Ну да кто же его теперь осудит за это? Ему за такой арсенал памятник надо поставить!

– Мы что, так и оставим их здесь? – спросила Эвелина, когда они уже сели в «Ленд Ровер».

– А ты что предлагаешь сделать? Похоронить? – Кирилл скептически скривился.

– Знаешь что, а давай, сожжем дом! Кремация – тоже не самый плохой способ погребения, – неожиданно предложила Эвелина.

– Нет, – покачал головой Кирилл. – Во-первых, я не знаю, что случилось. А если сюда завтра приедет пара комиссаров БНБ или просто гражданских следователей и спросит нас о том, что здесь произошло? Как мы тогда докажем, что это самоубийство? А так улики сохраняться долго. Во-вторых, пожар – это всегда опасно, может запылкать так, что не остановишь, – кругом дома, лес. А в-третьих, и это наверное, самое главное: огонь может привлечь мутантов.

Эвелина вздохнула.

– Да, тут ты прав...

– Я всегда прав! – сказал Кирилл и нажал на газ. Ехать пришлось недалеко – причал был рядом, на берегу.

– Останься в машине! – приказал жене Кирилл.

Он взял карабин, который лежал у него на коленях, проверил, дослал патрон в патронник.

– Ну уж, дудки! – ответила Эвелина. – В машине не останусь! Если пойдем, то вдвоем, – и она проделала то же самое со своим карабином.

Лязг затвора прозвучал угрожающе. Кирилл посмотрел на жену и понял, что переубедить ее не удастся. Проще было командовать боевой группой.

– Тогда держись рядом! Никуда не отходи! Сначала осмотрим ближайшие катера, потом – дальние. Все ясно, рядовой?

– Есть, мой капитан! – откозыряла Эвелина.

– Выйдешь из машины, когда скажу.

Кирилл включил тактический фонарь, открыл дверцу, спрыгнул на землю, сразу же вскинул карабин на уровень глаз и осмотрелся. Внизу, под небольшим двухметровым обрывом лежала узкая полоска песка, дальше блестела водная гладь. Вода в озере была неправдоподобно ровной: ни ряби, ни волн. В этой неподвижности было что-то пугающее.

Кирилл посветил в другую сторону: за дорогой виднелись желтоватые стволы корабельных сосен. Подлеска не было, и видимость была превосходной. Луч мощного фонаря бил метров на сорок. Кирилл обошел вокруг машины, осмотрелся, открыл дверцу со стороны Эвелины.

– Прошу вас, мадам!

– О, вы так любезны... – Эвелина выскользнула из кабины на землю, сразу же вскинула карабин, целясь за спину мужу.

«Молодец, девочка, уроки на тренировочной базе не прошли даром. Настоящая боевая подруга. Росточку, правда, для бойца в ней маловато...» – усмехнулся про себя Кирилл.

– Ну что, рядовой? Вперед!

То и дело оглядываясь, они дошли до лестницы, ведущей к причалу, спустились вниз. Доски причала жалобно застонали под весом Кирилла. Он медленно, стараясь не выпускать из виду весь причал, прошел вперед. Первый катер оказался белоснежной «Каролиной» – замечательным прогулочным судном, на котором они прибыли сюда через озеро из Артыбаша и один раз выходили на экскурсию. Две каюты, маленькая рубка.

Катер закачался на воде, когда они прошли по сходням и ступили на борт. Кирилл молил всех богов, покровительствующих БНБ, чтобы катер оказался в рабочем состоянии. Ему казалось, что на таком новеньком катере переплыть Телецкое с юга на север будет несложно.

– Ты умеешь им управлять? – шепотом спросила Эвелина.

– Посмотрим, – ответил Кирилл.

Завести двигатели катера с приборной панели в рубке ему не удалось. Куда там!.. Даже если бы ключ зажигания был в личинке замка, катер не сдвинулся бы с места! Не дала бы электронная система зажигания, которая была настроена только на экипаж, на параметры конкретных людей. Хорошая противоугонка, ничего не скажешь!

Никаких приспособлений для взлома у Кирилла, естественно, не было.

– Высокие технологии – не всегда гут, – озадаченно заметил Кирилл.

– Высокие технологии никогда и не были гут, – отрезала Эвелина, неожиданно появившись за спиной. До этого момента она осматривала каюты. – Человек должен жить в гармонии с природой, а не измываться над ней, доказывая свою конгениальность!

– Ага! – сказал Кирилл, поворачиваясь к жене. – Тогда вы, мадам, жили бы сейчас в пещере...

– Ну почему в пещере-то! Я жила бы в нормальном таком деревенском доме с колодцем и с запасом вина и копченой свинины в погребе. И пофигу мне было бы все, что происходит сейчас с электричеством и с катерами. Смотри, что я нашла в каюте! Кто-то забыл, – Эвелина продемонстрировала куклу для кукольного театра – зеленого лягушонка. Она надела его на руку. Лягушонок смешно открывал и закрывал желтый рот и тарасил глаза, зрачки вращались в разные стороны. – Между прочим, без всяких этих цивилизованных штучек у нас уже было бы двое, а то и трое детей. И нам было бы все равно на твою зарплату.

– Ты забыла про неурожай и прочие погодные неурядицы, – усмехнулся Кирилл.

Он был совсем не против, что Эвелина валяет дурака посреди темного чужого берега, на катере, который они пытаются угнать, – значит, все-таки отошла от переживаний или хотя бы забылась.

– Ладно, рядовой, пойдем дальше!

Эвелина послушно сунула куклу в карман куртки, взялась за карабин.

Кирилл безрезультатно осмотрел еще пять яхт и катеров. В одних была все та же система блокировки от угона, на других двигатели оказались неисправными – где-то оплавилась вся проводка, где-то блоки с электроникой превратились в куски сожженного пластика с проводами. Наконец, они приблизились к концу причала, где стояла одинокая моторная лодка.

– Я не очень-то представляю себе, как можно на этом переплыть озеро, – шепотом сказала Эвелина.

Ее пугала близость огромного водного пространства, погруженного во тьму. В этом пространстве терялись все звуки. Темнота на краю причала была плотной, густой, как будто чуть дальше озеро проваливалось в некую пространственную дыру, за которой было только вселенское ничто, пустота.

Молодая женщина сдержала приступ дрожи, встала с карабином наизготовку, прикрывая мужа. Каждые несколько секунд она меняла угол обзора, поворачиваясь то в сторону берега, то к воде, то смотрела в небо.

Но не было видно ничего, кроме пелены тумана, медленно поднимающегося от воды, и почти неподвижных лодок. Чуть плескала вода, потревоженная их движением и поскрипывали доски старого причала.

Кирилл залез в лодку, осмотрел старенький допотопный мотор. У него все еще оставалась надежда на то, что мотор этой лодки был настолько простой конструкции, что мог остаться в рабочем состоянии. В баке плескалось немного бензина. Кирилл подкачал его в камеру сгорания, несколько раз дернул за шнур стартера. Кажется, искра была.

– Кирилл, посмотри, что там такое, – тихо сказала у него за спиной Эвелина с причала.

– Сейчас, – ответил Кирилл, дергая стартер. – Слышишь, схватывает?

– Кирилл, посмотри, – все так же тихо, не меняя тона, попросила Эвелина.

– Да сейчас, подожди!

– Лучше бы тебе посмотреть на это, капитан! – в голосе Эвелины появились такие нотки, что Кириллу пришлось отвлечься от мотора.

Он взглянул на жену.

Эвелина, не отрываясь, смотрела на озеро. Кирилл схватил карабин, вскочил обратно на причал, обернулся туда, куда указывала Эвелина. Там, в сгустившемся тумане что-то посверкивало, и Кириллу на какое-то мгновение даже показалось, что это отсветы далекой-далекой грозы, которая грохотала за сопками в десятках километров отсюда, на севере.

Но он быстро понял, что голубоватые отблески не имеют никакого отношения к грозе, они не стояли на месте, двигались. Это сияние было не в воздухе и не в тумане, это легкое, фосфоресцирующее сияние находилось в воде.

– Что за ерунда?..

Свечение становилось сильнее. Кирилл выключил фонарь, жестом приказал Эвелине сделать то же самое. На какое-то время они оказались в темноте. Но сейчас темнота эта была только кажущейся. Из глубины Телецкого к ним приближалось нечто, от чего по воде в разные стороны распространялось электрическое бирюзовое сияние.

– Что это? – растерянно спросила Эвелина.

Кирилл с напряжением вглядывался в воду, которая на глазах теряла свою плотность и черноту и становилась зеленовато-прозрачной. Оттуда, из воды, из глубины озера к ним устремились длинные фосфоресцирующие полосы. А за полосами тянулось что-то еще более яркое, светящееся неоновозеленым, огромное, мощное, и такое длинное, что Кирилл так и не смог рассмотреть, где же заканчивается это сияние. И все это великолепие стремительно несло к ним со скоростью эсминца!

Кирилл опомнился.

– Бежим!

Эвелина не отреагировала на слова Кирилла, она, замерев, смотрела на воду и даже не слышала мужа.

– Эва! Не стой! Бежим! – он дернул ее за шиворот, выводя из ступора.

Эвелина оглянулась на Кирилла, и в бирюзовом свете, который с каждым мгновением становился все ярче, он отчетливо рассмотрел ее лицо – синеватую бледность всегда такой

смуглой кожи и отрешенный взгляд огромных глаз. Но в следующее мгновение она опомнилась, повернулась и кинулась бежать к берегу. Кирилл бросился за ней, в последний раз обернувшись, и с ужасом увидел, как перед самым причалом из воды взметнулись, расходясь в стороны, огромные щупальца, и посередине их, в центре, в страшной сердцевине неведомого светящегося чудовища, которое, как считал до этого момента Кирилл, могло водиться только в кошмарах, открылась большая, как кремлевские ворота, пасть, – и эта пасть была усеяна таким множеством острых, длинных зубов, которые отчетливо виднелись в противоестественном голубоватом сиянии, что Кирилл с ужасом осознал, что старого мира больше не существует. Они, в самом деле, провалились в Тартар!

Раздался рев, похожий на пароходную сирену.

– Не оборачивайся! Беги! – крикнул он Эвелине.

Никогда в жизни Кирилл не бегал так быстро. Эвелина мчалась впереди. За их спинами в один миг были сломаны и разлетелись в стороны доски причала, катера и лодки разметало, словно детские игрушки, и на берег, расходясь от удара мощного тела, выкатились первые тяжелые волны.

Сквозь нарастающий грохот и треск Кирилл отчетливо слышал, как впереди твердо чеканит ботиночками свой бег Эвелина и чувствовал, как бьется за его спиной закинутый туда и совершенно бесполезный в такой ситуации карабин...

Они взлетели по лестнице, задыхаясь от ужаса, уже по инерции, от адреналина, пробежали еще немного вглубь берега, остановились, обернулись назад, к озеру.

Причала больше не существовало. Громадное, светящееся неоновым светом чудовище, размеры и форму которого Кирилл так и не смог определить, медленно разворачивалось на мелководье, помогая себе щупальцами. Наверное, таким громадным и жутким для древних моряков был кракен...

«Каролина», завалившись на правый бок, лежала на отмели справа. Рубки у катера больше не было, через пролом в борту внутрь вливалась вода.

Волны все еще с шумом бились в берег, расходясь в стороны от кракена, отчетливо хрустнула под массивными щупальцами чудовища одна из лодок поменьше.

– Ну озеро мы, можно сказать, переплыли! – голос Эвелины стал неправдоподобно высоким.

Она забыла об опасности, просто стояла и смотрела на кракена, как он разворачивается, загребая в воде мощным хвостом.

– Он пришел на свет фонарей, да? Кирилл? Он увидел свет? Почему он здесь? Что его привлекло? – она села на землю и разрыдалась, отбросив карабин в сторону, как ненужную палку.

– Кто же его знает... – потрясенно прошептал Кирилл.

Он тревожно посмотрел вокруг. Свечение кракена могло привлечь еще каких-нибудь монстров. Надо было уходить.

Кирилл поднял и закинул за спину карабин Эвелины, потом обнял жену за плечи, бережно поднял ее на ноги.

– Пойдем в машину, малыш, пойдем...

Старый «Ленд Ровер» был не самой лучшей защитой от чудовищ, но это было лучше, чем нечего. В машине Эвелина, наконец, разрыдалась в полный голос. Кирилл не мешал, ждал, пока жена успокоится. Сам напряженно думал.

Не может быть, чтобы такое огромное животное, откуда бы оно здесь не появилось, среагировало на такие ничтожные по отношению к его размерам раздражители, как фонари. Но факт оставался фактом. Кракен ясно дал понять, что путешествия по озеру не будет.

«Что ж, может, это и к лучшему. Непонятно, что происходит, и когда закончится это дерьмо, и закончится ли оно вообще, но надо что-то делать, двигаться, надо выбираться отсюда, из этого проклятого места. По берегу Телецкого выбраться нереально: машина слишком тяжелая. Если застрянем – вытащить некому. Сами не справимся. Остается только уехать вверх по ущелью Чулышмана. Там есть перевал».

Кирилл мысленно представил себе, что для этого надо, вытащил из бардачка карту.

«Так, после Балыкчи будет Кокбеш, – Кирилл водил по карте пальцем, – потом надо на юг вдоль Чулышмана, а потом через перевал на Балыктуюль и через Уланган на Акташ и там – уже по Чуйскому тракту на север до Новосибирска. Все просто. Есть только одна закавычка – сам перевал – вот тут, где дорога поворачивает прочь от берега реки. Говорят, это какое-то совершенно сумасшедшее сооружение, идет прямо по отвесному обрыву. Перепад высоты чуть ли не семьсот метров. Жаль, не успели съездить посмотреть на него, пока еще было светло... Если поднимемся на перевал, дальше будет несложно. Сейчас надо найти бензин!»

Кирилл обратил взгляд на жену. Эвелина уже успокоилась, высморкалась в платок, виновато скосила глаза в сторону Кирилла.

– Ну что, поехали? – спросил Кирилл.

– Куда? – Эвелина жалобно посмотрела на Кирилла. – Только не в дом! Не обратно!..

– Нет, не в дом, поехали вообще отсюда. Только сначала найдем бензин.

– Поедем искать его в Балыкчу?

– Да нет, – Кирилл представил себе, как он возится на заправке в Балыкче, а кругом в темноте шныряют мелкие зубастые твари, и поежился. – На стоянку. Накачаем бензина с машин.

На стоянке находилось около тридцати машин.

– Эх, сейчас бы раздобыть работающий навигатор! – высказался вслух Кирилл, покосился на Эвелину. – Хотя, раз спутников нет, значит и навигатор бесполезен...

«Что же в самом деле случилось? – размышлял он. – Рагнарек? Четвертая мировая? Конец света? – Кирилл усмехнулся про себя. – И в самом деле – конец света! Света больше нет. Что будет, когда закончатся все батареи и аккумуляторы? Придется жечь факелы и костры. Это еще не конец. Конец наступит тогда, когда закончатся патроны».

Выкачать бензин из баков автомобилей оказалось не так-то просто. Одни баки были закрыты на ключ, другие заблокированы электронными устройствами, третьи почти пусты. Наконец, Кирилл сумел накачать канистру с бензобака грузовика, который привозил на турбазу продукты.

Эвелина стояла рядом с карабином – охраняла мужа. Тут же, в кузове, Кирилл нашел еще одну полную канистру. Повезло!

«В баке „Ленд Ровера“ уже сорок литров, да здесь сорок, – подсчитывал Кирилл в уме, – итого – восемьдесят. Мало! Бак у „Ровера“, наверное, литров шестьдесят, бензина хватит километров на двести пятьдесят. Ну хорошо, пусть будет триста. Это если по двадцатке на сотню считать. Все равно мало. Придется останавливаться, чтобы заправиться, а это опасно. Да и где? Надо бы еще хотя бы пару канистр! Тогда точно хватит до Усть-Семы. А там, может, и людей найдем! Если еще не всех сожрали...»

– Малыш, давай-ка сходим вон туда, – сказал он Эвелине, – там стоянка для работников турбазы. Может, там есть что-нибудь интересное.

На стоянке у административного здания они нашли минивэн, в котором возили туристов на экскурсии. В салоне за спинками задних сидений стояли две канистры. Одна оказалась полной, вторая была наполовину пустой. Кирилл долил ее из бака минивэна.

– Ну, что, поехали? – спросил Кирилл, когда они, залив под горлышко бак внедорожника и надежно разместив в багажнике остальные канистры, сели в кабину «Ленд Ровера».

– Поехали... – обреченно ответила Эвелина, и Кирилл вздохнул, услышав тон жены. Молодая женщина совсем упала духом. Что ж, он сам был близок к этому.

Кирилл повернул ключ в замке зажигания, завел «Ленд Ровер», включил фары, свет которых после темноты показался ослепительно ярким, и тронулся с места.

Ехали молча.

О чем думал Кирилл, глядя на пустынную дорогу? В свете фар все казалось не таким уж и страшным. Как будто они просто поехали на ночное сафари или возвращались поздно вечером из похода.

«Неужели больше никогда не будет рассвета? – размышлял Кирилл, глядя на дорогу. – Может ли случиться так, что тучи, которые сейчас заслоняют солнце, рассеются, и все когда-нибудь будет по-прежнему? Когда? Через пять лет, через десять, через пятнадцать? Что могло уцелеть на пространстве от Байкала до Москвы? Ну столицы наверняка уже нет. Скорее всего, нет и Хельсинки, Будапешта, Варшавы, Нижнего, Казани, Челябинска и еще кучи городов в центре. Везде, где есть ядерные и военные объекты. Что могло уцелеть? Деревни? Небольшие города в провинции? Если там появились такие же монстры, как здесь, то маловероятно. Люди могли уцелеть только там, где есть оружие. И откуда только взялись эти твари?»

Кирилл бросил взгляд на Эвелину. Она безучастно смотрела вперед, на дорогу.

«Она думает, что весь мир провалился куда-то в Тартар. Что ж, можно назвать это место и адом, терминология неважна. Важно, что Эвелина считает, что они переместились в какой-то иной мир. В параллельный? В прошлое? В будущее? Каким дьявольским оружием можно было разнести весь тот уютный мирок, в котором они жили? Ну он, конечно, не был таким уж и милым, особенно на Ближнем Востоке или в Южной Америке. Но тем не менее, ему и многим другим офицерам БНБ казалось, что ситуация стабилизировалась, и причин для новой войны нет. Ну не считая тлеющего конфликта на Ближнем.

Что же такое могли изобрести? Он не слышал ни о каких новых разработках, но с другой стороны, кто он такой, чтобы ему докладывали о них? Всего-навсего капитан БНБ, командир боевой группы. Не ученый. Может, проводили эксперименты с изменением пространства? В таком случае, где все люди, или быть может, придумали избирательное оружие?.. Которое уничтожает только людей?.. Тогда откуда монстры? Может, их специально сбросили, чтобы прикончить тех, кто остался? Вырубили оставшихся людей и сбросили? Все время какие-то нескладушки получают!»

Когда они проезжали мимо кладбища, Кирилл невольно посмотрел направо, ожидая увидеть знакомые вспышки, но в той стороне было темно.

«Странно!»

А как можно уложить в теорию о новом оружии то, что он видел своими глазами на кладбище?

«Никак! Может, их, в самом деле, выкинуло в какое-то другое пространство, в параллельный мир? Остальные люди остались в прежнем мире, а их вот по каким-то причинам выкинуло? Бывает же так, что люди пропадают? Каждый год по всей стране бесследно исчезает около тридцати пяти тысяч людей! Статистика. Не поспоришь. Находят только около тридцати пяти процентов. Остальные пропадают навсегда. Ни персональные каунтеры не помогают, ни айкеды – никакой компьютер не может отследить, куда они исчезают. Может, и они с Эвелиной вот так пропали? Может быть, в этом странном мире даже покойники не остаются – ведь они, вернее, их тела, должны быть там, в том, настоящем, реальном мире? Да, недаром священники „New Earth“ говорят, что мир – иллюзия, и всем правит великий Майя... Быть может, Виктор

и Елена просто катапультировались обратно в нормальный мир? Ну хотя бы в виде мертвых тел... Да нет, тела-то как раз остались... Почему? Не понятно...»

Больше всего на свете Кирилл не хотел, чтобы Эвелина увидела, как кто-нибудь из пожилых супругов оживает и возносится в небо. От такого и умом тронуться можно! Вон у Виктора-то точно после кладбища крыша поехала! Кирилл и сам иногда с трудом сдерживался, чтобы не заорать матом на всю ивановскую. Да как заорешь, когда на тебя с надеждой смотрит любимая женщина?

Зачем они сюда поехали? Зачем? Отдохнули, называется!

Фары «Ленд Ровера» осветили пустынную центральную улицу поселка. В их свете все казалось вполне обычным. «Ленд Ровер» тряхнуло на мосту через ручей, потом автомобиль въехал на пригорок, и наконец, проехал через площадь перед административным зданием.

Впереди виднелись заборы и темные крыши айлов. Здесь Кирилл на машине еще не ездил, и сбавил скорость – на дороге могли быть ямы. Через триста метров улица повернула, и Кирилл понял, что еще немного – и они выедут из поселка. Справа уже виднелись редкие низенькие кусты – они местами росли вдоль Чульшмана. Значит, река близко.

И в этот момент они увидели «медведя»! Он стоял прямо посередине дороги на своих мощных, длинных лапах и смотрел на них. Не зверь, но и не человек. Медвежья морда, прижатые уши, черная длинная, свалывшаяся шерсть. Глаза в свете фар сверкали красным. «Странно, обычно у животных глаза светятся голубым или зеленым! – мелькнуло тогда в голове у Кирилла. – Красным глаза светятся только у человека!»

Он нажал на тормоз, и внедорожник, взвизгнув тормозами, остановился. Эвелина подавалась вперед, вцепившись тонкой рукой в поручень.

– Кирилл, что это? Кто это, Кирилл? – голос подвел молодую женщину, и она произнесла это свистящим шепотом.

– Это твой йети, – Кирилл взялся было за карабин, потом передумал, переключил скорость на заднюю. – Держись, чуток потрясет.

Кирилл поддал газу, и внедорожник поехал назад. Кирилл точно помнил, что последние сто – сто тридцать метров дорога была ровной, без поворотов, так что можно было разогнаться. Потом он ударил по тормозам, с юзом развернул машину направо и съехал в кювет. Увидев, что противник не вступает в бой, мутант, кажется, опешил, но потом бросился вперед, догоняя «Ленд Ровер». Двигался он быстро и легко, как огромная кошка, и Кирилл понял, почему Виктор Николаевич принял его за пуму.

Проехав через кювет, внедорожник снес жерди загона для скота и выкатился на ровную площадку для выпаса.

– Бери взрывчатку! – крикнул Кирилл Эвелине. – Шевелись! В белой сумке за моим сиденьем. – Взяла?

Эвелина молча возилась.

Перед глазами Кирилла мелькнули какие-то столбы, возможно, коновязь, и он едва успел обрулить их.

– Взяла? – заорал он.

Снова молчание.

– Не молчи!

Внедорожник налетел на большой куст черемухи, его сильно подбросило, и не пристегнутая Эвелина подлетела на сидении вверх.

– Нашла... – наконец ответила она, все еще копаясь в сумках на заднем сидении.

«Ленд Ровер» несся по поляне вперед, но сколько это могло продолжаться? В любую секунду перед машиной могла появиться скала или ручей. И тогда все, пиши пропало.

– Нашла? Видишь взрыватель? Потяни, поверни против часовой и бросай. Пять секунд, ты поняла, есть пять секунд!

Первую шашку Эвелина бросила слишком поздно, взрывная волна догнала внедорожник, и его словно пнул под зад рассерженный великан. Кирилл держался за руль, и для него это прошло без последствий, а Эвелина ударилась лбом о приборную панель.

– Ты в норме? – крикнул Кирилл жене, объезжая неожиданно появившийся перед внедорожником огромный камень.

Эвелина, держась за лоб, молча вытащила вторую шашку. На этот раз взрыв прозвучал в отдалении. Кирилл видел вспышку в зеркало заднего вида, но преследовало ли их животное или оно уже отстало, не понял. Ему пришлось резко затормозить – впереди показался берег ручья, стекавшего со склона ущелья.

«Что за местность, здесь даже разогнаться негде – сплошные горы! Земли – три метра с одной стороны реки да пять метров с другой. Вот ведь занесла нас нелегкая... Надо вернуться на дорогу!» – Кирилл вывернул руль влево, перед «Ленд Ровером» оказалось деревце, которое внедорожник с легкостью подмял под себя – машина все-таки была тяжелая.

Джип поехал по склону горы вниз, опять снес черные тонкие жерди ограждения, а потом перед Кириллом появилась дорога. Кювета здесь не было и в помине, и Кирилл просто повернул руль вправо.

Выехав на дорожное полотно, Кирилл вдавил педаль газа в пол, стараясь разогнать внедорожник, насколько позволяла гравийное покрытие. Эвелина, не отрываясь, смотрела назад: в свете габаритных огней сразу за машиной никого не было видно. Дальше сгущалась тьма.

Балыкча осталась позади.

– Ты как? – спросил Кирилл через несколько минут.

Эвелина все это время сидела, наклонив голову вниз, и ему даже показалось, что она потеряла сознание. Наверное, она здорово приложилась о панель.

– Голова болит?

– Болит, чего ей не болеть? – пробубнила в ответ Эвелина.

Когда Кирилл решил, что они уже достаточно далеко отъехали от поселка, он остановил машину. Потом взял жену за подбородок и повернул лицом к себе. Она была в сознании, но глаза не открыла. Ударилась она сильно, верхнее веко левого глаза уже оплыло.

Кирилл быстро нашел аптечку, достал гипотермический пакет, раздавил внутреннюю оболочку, прижал к лицу Эвелины.

– Держи! Да сама держи! Как себя чувствуешь? Тошнит? Голова кружится? – Кирилл вытащил бутылку с минеральной водой.

– На попей!

Эвелина молча покачала головой.

– Не буду! Голова болит, и спать хочу... – ответила она.

Кирилл помог откинуть кресло, достал теплый плед, накинул его на жену. Эвелина свернулась клубочком на огромном сидении. Кирилл осторожно пристегнул молодую женщину, убедился, что с ней все более-менее в порядке, а потом осторожно повел внедорожник дальше, внимательно вглядываясь вперед. Укатанная гравийка шла вдоль берега Чулышмана, который бежал им навстречу в темноте слева.

Дорога петляла вместе с рекой то направо, то налево, но извивы эти были небольшими, потому что и дорогу, и саму реку ограничивали два громадных горных хребта, отвесные склоны которых уходили далеко вверх, к небу.

И даже в крошечной Тьме и в почти в абсолютной тишине и безветрии Кирилл физически ощущал, как эти каменные гиганты давят на него и на этот старенький «Ленд Ровер» сверху. Но Кирилл решил не обращать на это внимания и просто ехал и ехал вперед, пристально глядя на дорогу. Вскоре ощущение времени пропало...

...Эвелина долго не могла заснуть, потому что машину трясло на гравийной дороге. Но желание спать, которое навалилось на нее так неожиданно и странно, пересилило неудобства, гипотермический пакет выпал из руки, и она заснула.

Проснулась она от того, что внедорожник стоял. Проснулась с сожалением, потому что первое, что она вспомнила, когда проснулась – это события последних дней.

– Ах, если бы не просыпаться!..

Подняв голову, молодая женщина обнаружила, что Кирилла в машине нет, и села. Она сразу поняла причину остановки – фары автомобиля освещали обвал. Груды песка и камня съехали с крутого склона горы справа и полностью перегородили узкую песчаную дорогу.

Кирилл стоял на обочине дороги слева от машины и смотрел вниз, в темноту, кажется, там, слева, был обрыв.

Похоже, путешествие закончилось, не успев начаться!

– Проснулась?.. – негромко спросил Кирилл, когда она вышла из теплого салона машины, обошла капот и встала рядом, по-прежнему кутаясь в плед. – Хорошо. Без тебя мне тут не развернуться. Бери фонарь, будешь смотреть, чтобы колеса не соскользнули с дороги.

– Это обязательно? – спросонья спросила Эвелина. – Разворачиваться?

Кирилл хмыкнул.

– Малыш, ты ударила головой сильнее, чем я предполагал. Мы не можем оставаться здесь.

– А где мы?

– Судя по всему, на том самом перевале.

– Высоко? – Эвелина заглянула за край дороги вниз, но, конечно, ничего там, кроме тьмы, не увидела.

– Не знаю, метров сто, сто пятьдесят.

Эвелина испуганно сделала шаг назад. Она так же, как и Кирилл, ощутила странную пустоту вокруг и молчание гор. Ей стало страшно.

– Мне говорили, что на этом перевале частенько бывают обвалы... – продолжил Кирилл. – Тут бы пару бульдозеров и экскаватор... – он горестно махнул рукой. – Надо развернуться и съехать вниз, а то мало ли, склон песчаный, вдруг сойдет еще один обвал?

– Но дождей же давно не было. Откуда обвал?

– Не было! Не было! – Кирилл говорил все более раздраженно. – Ничего не было, но проехать нельзя! Быть может, обвал сошел раньше, и его еще не разгребли! А быть может, дождей не было на берегу, а здесь они шли и шли. Это же горы! Здесь все быстро меняется!

– Хорошо, давай развернемся, съедем вниз и перекусим. Тебе надо отдохнуть, – Эвелина хотела обнять мужа, но он вырвался, сел в кабину внедорожника, завел его и сдал назад – до крутого разворота дороги. После разворота на сто восемьдесят градусов дорога снова шла параллельно склону горы, а потом делала еще один зигзаг, и спускалась ниже уже в другую сторону.

С большим трудом Кирилл с помощью жены сумел развернуть на узком «тещином языке» громадный внедорожник. Из-под колес в пропасть то и дело сыпались камни, и был момент, когда Эвелина испугалась, что туда, в темную пропасть, соскользнет задними колесами и автомобиль, но «Ленд Ровер» чудом удержался на краю.

– Хорошая машина! – Кирилл, благодарно погладил приборную панель, когда они уже ехали вниз.

Внизу глазастая Эвелина заметила, что от дороги направо, на берег Чулышмана есть отворот.

– Давай проедем туда! – попросила она мужа, и Кирилл повернул машину вправо.

Через сорок метров фары осветили какие-то старые строения – кажется, здесь на берегу было стойбище алтайцев.

После небольшой разведки Кирилл загнал автомобиль в огромный сарай, который, наверное, когда-то давно служил загонем для скота, на всякий случай закрыл ветхие ворота – больше для маскировки, потом вскипятил на газовой плитке воду, залил кипятком две тарелки с лапшой, пока она запаривалась, заварил в термосе чай, сделал бутерброды с консервированной ветчиной.

Эвелина в меру сил помогала. Делали все машинально, потому что надо было что-то делать, двигаться, нельзя было просто сесть в машину и сидеть, бессмысленно глядя перед собой.

Несмотря на то, что здесь, внизу, казалось довольно безопасно, ели урывками, рядом с распахнутыми дверцами машины, чтобы, в случае чего, сразу же залезть внутрь. Все делали молча или почти молча.

– Что мы будем делать теперь? – наконец нарушила молчание Эвелина, закончив еду.

Кирилл торопливо собрал одноразовую упаковку, аккуратно сложил в пакет, пакет закинул в багажник – привычка. Сел в машину, подождал пока сядет Эвелина, пожал плечами.

– У нас есть два выхода. Первый: вернуться обратно и ждать, пока за нами придут. Или не ждать, а просто обустраиваться в этой новой жизни, найти жилье, притащить туда продукты со всей округи, как-то наладить быт. Может, этих мутантов можно есть? Если они не радиоактивные, наверное, можно, – Кирилл усмехнулся. – Ты же хотела домик и подвал с едой. Ну вот представился случай обзавестись таким домиком! Правда, до идиллии, сама понимаешь, далеко.

– А второй выход? – поторопила Кирилла Эвелина.

– Пойти через перевал пешком. Унести мы много не сможем, палатка, спальники, газовую горелку, минимум продуктов. Воды тоже минимум, потому что главное, что надо с собой взять – это оружие. И я не уверен, что в палатке безопасно ночевать... Тогда где? До Балыктуюля тридцать километров. Даже если дойдем за один переход, что маловероятно, – Кирилл покосился на фигуру жены, явно не созданную для суровых нагрузок горной тайги, и вздохнул, – неизвестно, что там нас ждет. Там может быть свой... гм... снежный нечеловек! Второй раз можно переночевать в Улагане, а вот до Акташа уже пятьдесят шесть километров... С другой стороны, если мы доберемся хотя бы до Балыктуюля, то может, нам повезет, и мы найдем там автомобиль или вездеход! Скажу честно, ночевать в горах в палатке я с тобой не буду... Был бы я один, я бы перекантовался, но ты – другое дело.

– Но выхода-то у нас нет... – сказала Эвелина. – Дай мне чипсов.... Заедем проблему, и станет легче! Ну, по крайней мере, автомобилю будет легче ехать... А нам – идти!

Неожиданно по сараю ударило. На мгновение внутрь подались ворота, засвистело в щелях и под дощатой крышей. Кирилл и Эвелина замолчали, прислушались. Ветер. Ветер с юга. Что он принесет?

– Выйду, посмотрю, – Кирилл взял карабин, вышел из машины.

За воротами сарая темнота пришла в движение. С юга, с монгольских степей вдоль ущелья хлестал ледяной ветер с изморосью. Если начнется дождь, на перевале станет еще опаснее! Значит, надо решаться. Или лучше переждать? Вот ведь дилемма!

Они в ловушке: с одной стороны – озеро, обрамленное горами и тайгой, с другой стороны – это ущелье и перевал...

Был бы он сейчас со своей боевой группой, махнули бы, не глядя ни на погоду, ни на мутантов! Тридцать километров – ерунда! Да и в караул было бы кого выставить на привале. Боевая группа – это вещь! А тут их двое, на привалах надо дежурить по очереди, значит, время для сна сокращается в два раза, нести груз может только он, сколько унесет Эвелина? Ну пару спальников, не больше, надо ведь еще нести карабин. Вззоет через пять километров. И это еще хорошо, если вззоет, а то и просто молча упадет. Придется нести и ее, и груз, и какой тогда из него будет защитник?..

«Ну попали! А деваться некуда, надо идти! Быть может там, в Балыктуюле есть люди?»

Вещи Кирилл паковал сам. Внимательно просмотрел все, что собрала Эвелина. На заднее сидение автомобиля полетела косметичка и крем для рук – лучше взять батарейки и еще один фонарик. Оставил ей зубную щетку, зеркальце, расческу и крохотные ножницы. Этого достаточно. Потом сам уложил в рюкзак спальники, всучил Эвелине его и карабин.

– Твое!

Проверил обувь на ее ногах. Надела резиновые сапожки. Ну что поделаешь – женщина! Заставил переобуться в разношенные походные ботинки.

Еще более тщательно отобрал вещи, которые должен был нести сам. Главное – это патроны, взрывчатка, нож, с которым никогда не расставался, батарейки, фонари, сухпак, газовая горелка с маленьким баллоном, котелок, немного воды и палатка. Все!

Они снова поехали на перевал. У обвала Кирилл остановил «Ленд Ровер», они вышли, немного постояли у машины, созерцая завал. Кирилл хотел было оставить фары включенными, но в последний момент передумал. Мало ли что...

Самым сложным оказалось перелезть через обвал – Эвелина была легче, и почти не проваливалась в смесь из песка, камней и глины, Кирилл проваливался почти по колено. Селевой обвал сошел на дорогу не в одном месте, а сразу в четырех. После того, как они, грязные и уставшие, выбрались на неповрежденную дорогу выше по склону, весь подъем на перевал был еще впереди.

Шли при свете обычных налобных фонариков. Идти по дороге вдоль склона на север было нетрудно, но стоило им повернуть на юг, как ледяной ветер забивал легкие, бил по лицу наотмашь. Острые капли дождя больно секли лицо. Наконец, дорога, в который раз повернула направо – на север и отошла от края обрыва. Через пятьдесят метров Кирилл понял, что они поднялись на перевал.

– Кирюш, давай, отдохнем... – попросила запыхавшаяся Эвелина. – Хотя бы минутку!

Кирилл на короткое время включил мощный фонарь, который он взял с собой специально для таких случаев, осмотрелся.

Слева от дороги стеной стоял шумевший лес, справа, чуть в отдалении, была скала, венчавшая перевал, в луче фонаря белели трепетавшие на сильном ветру тряпочки, навязанные на помертвевшие деревца, которые зачали от таких «подношений». Здесь был бурхан – место поклонения духам. Накатанная дорога взбиралась на горку мимо бурхана и поворачивала куда-то налево, в лес, в темноту...

– Привал! – скомандовал Кирилл.

Эвелина отошла на обочину, села на рюкзак. Кирилл, не снимая рюкзака и не выпуская из рук карабин, сел рядом, на валежину возле валуна.

– Сейчас бы коньяку! – задыхаясь, крикнула Эвелина сквозь ветер, она сражалась с волосами, которыми ветер залепливал лицо.

– Замерзла?

– Немного.

– Сейчас нельзя пить алкоголь, – хмыкнул Кирилл, – организм будет обезвожен и... – он хотел добавить еще что-то, но замер, превратившись в слух.

За воем ветра ему отчетливо послышался хруст ветки в темноте за дорогой. В следующий миг Кирилл выключил фонарь и упал на землю. Эвелина залегла рядом, постукивая зубами от холода. Дождь усилился. Кирилл слизнул капли воды, стекающие по губам, снял «Бабр» с предохранителя. Потом вытащил фальшфейер, зубами выдернул шнур и бросил вспыхнувший красным огнем факел на дорогу.

И похолодел!

На дороге стояли три мутанта – небольшие коренастые четвероногие твари с крупными, круглыми головами и бульдожьим прикусом торчавших наружу зубов.

Две из них шарахнулись в сторону от света фальшфейера, а третий остался стоять на месте. Он не смотрел на пламя фальшфейера, он смотрел прямо на Кирилла, и от этого взгляда Кирилла словно кто-то колючей рукавицей по затылку погладил. Но плохо было даже не это, плохо было то, что за спиной этих тварей продолжали шевелиться ветви деревьев и кустов, и на дорогу из леса выходили и выходили такие же мерзкие создания.

Кирилл услышал, как рядом спускает с предохранителя свой карабин Эвелина.

«Недалеко мы ушли! – мелькнуло в голове. Мысль лихорадочно заработала. – Принять бой? Их слишком много, – Кирилл насчитал уже двенадцать хищников. – Эвелина, конечно, прикроет, если что, но на нее особо рассчитывать не надо, у нее патронов всего-ничего. Отступить? Куда? По дороге вниз? Догонят... К бурхану? А что там, за бурханом? Пропасть? Да, скорее всего, пропасть, недаром дорога поворачивает налево, в лес. Наверное, идет по водоразделу. Значит, за бурханом тупик! Уйти в тайгу налево от перевала? Но опять же – куда?»

Стая тем временем вышла на дорогу, разсосредоточилась и отрезала их от бурхана. Неожиданно Кирилла кто-то схватил за ботинок. Это была Эвелина. Двигалась она бесшумно.

– Тут есть тропа вниз, – прошептала она.

И тогда Кирилл сделал то, что оставалось: он в полный рост вскочил на камень, и пока окончательно не прогорел фальшфейер, открыл огонь. Стрелял он точно, расходуя по одному патрону на тварь, и три ближайших монстра упали в течение первых трех выстрелов, но четвертая пуля ушла мимо. Кирилл промахнулся, потому что мутанты подобрались слишком близко и были в нескольких метрах перед ним, дождь заливал лицо и мешал целиться, но тут на подмогу пришла Эвелина. Ее выстрел остановил четвертого зверя.

– Назад! Кирилл, назад! – крикнула она высоким голосом и выстрелила несколько раз в сторону мутантов, уже не целясь.

Кирилл зажег и бросил второй фальшфейер вниз, вдоль склона горы. Пылающий факел упал далеко внизу на зигзаг дороги. Кирилл успел разглядеть незаметную тропинку, которая уходила вниз и проходила левее дороги.

– Ты первая! – крикнул Кирилл и уложил на дороге еще одну тварь. – Уходи!

Следующий монстр прыгнул на него из темноты слева, откуда Кирилл не ждал нападения. Зверь промахнулся совсем немного. Кирилл прыгнулся, почувствовал, как когти зверя прошлись по спине. От ран его защитила плотная ткань куртки.

От толчка Кирилл оступился, чудом удержал равновесие на краю обрыва. Ему все-таки пришлось соскочить с камня, на котором он стоял, а промахнувшаяся тварь рухнула вниз с обрыва, с силой ударившись об уступ скалы, и исчезла в темноте. Все происходило в полном молчании сражающихся сторон, только дождь начинал все сильнее и сильнее барабанить по листьям, да грозно шумел таинственный алтайский лес.

Краем глаза Кирилл видел: Эвелина уже довольно далеко спустилась по тропинке.

Остальные мутанты не торопились атаковать противника. Вожак остановился буквально в трех метрах перед Кириллом, обнажил огромные саблевидные клыки и угрожающе заворчал.

– Хорошая собачка, – тихо сказал Кирилл, глядя на мутанта сквозь прицел. Дождь заливал глаза, но Кирилл не моргал, смотрел сквозь пелену воды прямо в глаза противнику. Глаза эти были беспощадные, бездушные. Глаза зверя.

Последние искры фальшфейера рассыпались по дороге. Мутант прыгнул вперед, Кирилл выстрелил. И в тот же момент он вдруг почувствовал, как дрогнула земля, и опора под ногами исчезла. Кирилл взмахнул руками, словно желая взлететь, но вместо этого соскользнул вниз, в черную темень, в луче фонаря вспыхивающую искрами дождя...

На перевале Кату Ярык сошел еще один обвал.

Глава третья Незнакомец

...В слабеющем луче фонарика Кирилл неожиданно увидел перед собой старые потемневшие жерди изгороди. Это мог быть загон для скота, а мог быть далекий покос – он знал, что иногда скотоводы огораживали покосы от бродивших по степи табунов. Нескольких жердей было достаточно, чтобы сохранить сочную траву для своих животных.

Кирилл снова вытащил компас, посмотрел на него, решительно перелез через жерди и пошел дальше. Буквально через двадцать метров он почти налетел на черную от старости стену аила. Кирилл не стал заходить в него, прошел мимо через двор, и толкнув калитку, вышел на улицу поселка. Кажется, он все-таки добрался до Теленгит-Сортогая.

Кирилл хотел пройти до конца поселка, чтобы найти табличку с названием и убедиться, что это именно Теленгит-Сортогай, но посветив в стороны, он заметил на глинобитном домике без крыши старую, почти стертую вывеску: «Магазин» и не выдержал, свернул туда. Его терзало чувство голода. Но окна в магазине оказались зарешеченными, металлическая дверь была заперта. Вот ведь незадача – пройти столько километров и умереть от голода на ступенях склада с провизией! Кирилл почувствовал, как в животе начинает урчать. Все-таки надо найти еду.

Он вернулся в аил, со двора которого только что вышел, толкнул незапертую дверь. Внутри было темно и грязно, но Кирилл не обращал на это внимания. Через полчаса в очаге горел огонь, над огнем висел мятый закопченный котелок на кривой дужке, а в котелке варилась похлебка...

Кирилл смотрел на котелок, не отрываясь, и еле дождался, когда еда будет готова. Ел жадно, захлебываясь. Хлеба не было, зато в похлебке была гречневая крупа и консервированная рыба. Есть много он не стал, с трудом заставил себя отставить еще полную тарелку в сторону. Сразу стало клонить в сон. Кирилл с трудом встал, подпер старой табуреткой дверь, содрал с полатей грязное белье – все вплоть до матраса, бросил на него куртку, упал на нее и уснул сном человека, как следует не высыпавшегося уже много дней подряд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.